

Виктор Иванович Завидей

ДЕТИ ИШИМА

Книга 1. Двадцатый ре-минорный

Виктор Завидей

**Дети Ишима. Книга 1.
Двадцатый ре-минорный**

«Издательские решения»

Завидей В. И.

Дети Ишима. Книга 1. Двадцатый ре-минорный / В. И. Завидей —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743864-7

Автор повести «Двадцатый ре-минорный» делится своими размышлениями и впечатлениями о людях, событиях драматичного двадцатого века. Несмотря на некоторую автобиографичность повести, автору удалось таким образом позиционировать свою судьбу, что она отходит как бы на второй план, а повесть воспринимается как цельное художественное произведение о времени, людях и в самую последнюю очередь о себе. Эта повесть о наиболее важном в жизни каждого человека: о дружбе, любви, выборе цели, о своих учителях.

ISBN 978-5-44-743864-7

© Завидей В. И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Предисловие к «Двадцатому ре-минорному...»	10
Часть 1 Allegro	12
Дети Ишима	12
Ишимская Республика	16
Сопки	22
Степь	24
Ледоход	26
О товарищах	29
Увлечения	33
Друзья	39
Мы строим аэросани	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дети Ишима

Книга 1. Двадцатый ре-минорный

Виктор Иванович Завидей

На доньшке детских глаз «написано» Все.

Надо очень любить детей, чтобы научиться это «читать»...

Мой любимый Учитель Вера С.

Редактор Наталья Николаевна Завидей

© Виктор Иванович Завидей, 2024

ISBN 978-5-4474-3864-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Когда у тебя нет солидного писательского опыта, всегда очень непросто дается начало. Здесь, по-видимому, как и в музыке, важно выбрать нужную тональность, взять первую ноту, и тогда от этого будет зависеть звучание и атмосфера всего произведения. Еще при написании первой части повести я долго раздумывал над тем, как все-таки вести повествование – от первого или третьего лица, а также, не следует ли автору этого произведения пользоваться псевдонимом? Так, в первой части, до известной степени автобиографических зарисовок, для придания динамичности и выразительности, автор решил вести повествование от первого лица. При этом видны допущенные им просчеты и промахи, особенно это касается эпизодов с личностными переживаниями. А скажите на милость, как можно со стороны наблюдателя-статиста передать атмосферу, наполненную страстями жизни? Мне кажется, это невозможно. И если написанное произведение не хватает за душу, не будоражит мозг, а служит лишь одной цели – как можно эффективнее убить время, такое произведение с полным основанием можно считать вредным и, не колеблясь, предать огню.

Для того, чтобы у читателей не возникало далее никаких сомнений относительно личности автора, то есть того субъекта, с которым в этой повести они будут иметь разговор – размышлять, спорить, соглашаться или возражать, мне хочется, не откладывая дел в долгий ящик, объясниться с ними начистоту.

Дело в том, что реального человека с фамилией и отчеством, поставленной во главе произведения, хоть мне и пришлось их носить долгие годы, не существует. До последнего времени я считал, что в мире я такой всего лишь один, хотя я достаточно тесно знаком со своими родителями и признаю их за таковых. Но если бы они были живы и попытались предъявить на меня свои права, то ничего кроме путаницы у них не вышло...

В век всезнайки-интернета я, как и многие другие, озадачился своим происхождением и корнями. В начале пути я полагал, что найти людей с такой фамилией я не смогу, поскольку приведенная в титуле фамилия и отчество вымышлены. Искаженная девичья фамилия моей матушки послужила псевдонимом моей фамилии. Касательно отчества – то же самое. Я еще застал при жизни своего отца, жителя блокадного Ленинграда, которого окружающие люди называли не Иваном, кем он и был на самом деле, а всем своим соседям известен под другим именем, что удивляло даже меня!

Несмотря на это, интернет отыскал мне двойника и полного однофамильца, к которому я точно никакого отношения не имею. Недавно мне подарили исключительно редкое издание справочника псевдонимов, заглянув туда, я, правда, ничего похожего на свой псевдоним не обнаружил. Думаю, в новом издании справочника составители и издатели рано или поздно внесут необходимые изменения и коррективы и туда, без всяких сомнений, попадет псевдоним автора этой повести.

Не имею я отношения и к фамилии, взятой из библейской притчи «О сынах Заведеевых», хоть эта притча мне очень нравится, и хотелось бы какое-то отношение к ней иметь. Если все-таки предположить, что какое-то отношение к этой фамилии я все же имею, то выходит, что мои дальние предки могли быть близко знакомы с самим Иисусом Христом, что прямо следует из Евангелия от Матфея.

– Тогда приступила к Нему мать сыновей Заведеевых с сыновьями своими, кланяясь и чего – то прося у Него.

– Он сказал ей: «Чего ты хочешь?»

– Она говорит Ему: «Скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем».

– Иисус сказал в ответ: «Не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить или креститься крещением, которым Я крещусь?»

Они говорят Ему: «Можем».

Несколько иная интерпретация этих же событий изложена в Евангелии от Марка. Там все то же самое и практически дословно, за исключением того, что сами сыны Заведеевы, Иаков и Иоанн, предложили свои услуги Иисусу, а о матери не упоминается ни слова.

– Тогда подошли к нему сыновья Заведеевы Иаков и Иоанн и сказали:

– Учитель! Мы желаем, чтобы ты сделал нам, о чем попросим.

Он сказал: – Что хотите, чтобы сделал вам?

Они сказали ему: – Дай нам сесть у Тебя одному по правую сторону, а другому – по левому в славе Твоей.

Иисус сказал им: – Не знаете, чего просите.

Далее тексты практически дословно совпадают. Простого сопоставления достаточно, чтобы сделать заключение, что описание сцены общения Иисуса с представителями фамилии моего «псевдонима», – либо один апостол списал у другого, как и я это делал в детстве, либо они оба списали у некоего третьего. Поскольку два человека не могут сами по себе написать кусок текста дословно с таким существенным различием.

Автор также не без основания полагает, что его псевдоним схожий с фамилиями друзей и последователей Иисуса – сынами Заведеевыми, дает ему моральное право размышлять и даже высказывать свои собственные суждения о носителе религии и веры, а также таинственных событиях, связанных с его появлением и исчезновением. Может быть, по этой же причине, автор, более чем необходимо, остановился на корнях происхождения своего псевдонима.

По слабому разумению автора, обе эти библейские личности были настоящими друзьями и последователями Иисуса и предлагали ему свою помощь, чтобы сообща вершить дела земные и небесные. При этом Иисусу необходимо было немножко поделиться властью на земле с ними, а самому сосредоточиться на делах небесных, то есть по-нашему – на вопросах идеологии. На что Христос им ответил своей сакраментальной фразой, что «Царство Божие неделимо!». А ведь эти ребята согласились разделить с Иисусом его будущую участь и предлагали ему дружбу и помощь, он же отклонил ее, не желая, по-видимому, делиться с ними известностью или славой. Мне кажется, зря он им отказал, ведь настоящих друзей необходимо ценить и беречь пуще ока.

Кроме того, у автора за всю его не очень короткую жизнь накопились вопросы к церковникам самого общего характера. Где, к примеру, находился и чем занимался сам Христос, пока он не встретил своих последователей – Симона и других апостолов? Каким образом, где и когда он объявился впервые? Где он получил образование, кто занимался его воспитанием, и почему от него самого не осталось никакого документа о его учении, даже самого маленького, он что не умел писать?

Рыбаки Симон и братья Заведеевы, скорее всего, были неграмотны, но написать свое видение происходящего смогли, а Иисус, пусть даже тезисного описания учения, дать не мог? И почему бесконечной доброты и справедливости Бог оставил его умирать на кресте и вроде как оживил, когда тот был замучен вконец?

И что еще бросается в глаза, Христос легко читал мысли людей и до последнего не подавал вида о своих страшных мучениях на кресте. Рядом подобных качеств обладают йоги, достигшие высокой степени управления своим сознанием.

Можно предположить, что кому-то необходимо было породить смуту против господства римлян, а Иисус был разменной монетой в их игре. Возможно, что за его спиной стояли влиятельные особы. Или же последующие представители религиозной элиты, используя эту личность, пытались создать некую цельную, но, на мой взгляд, не очень складную картину происходящего и нового учения. Вопросов море, а ответов на них нет.

Однако с какой стороны ни посмотришь на эти исторические события, теряющиеся в глубине веков, можно сделать вывод, что и жившие тысячелетия назад люди мало чем отличались от тех, которых мы видим сейчас. Путаница имен и фамилий была задолго до моего появления в этом мире, и с тех пор не уменьшается, а даже становится всё больше, так как каждый толкователь прошлых событий добавляет свою точку зрения, искажает реалии и тем самым еще больше запутывает происходящее. При таких обстоятельствах даже в выборе псевдонима нет никакой необходимости.

Я все-таки думаю, что во всех этих хитросплетениях и некотором совпадении судеб и фамилий не обошлось без случайностей, но именно они и являются самым необходимым элементом всякой жизни. Благодаря случайностям, и мы с вами появляемся на свет, а также, по воле случая, из него уходим. У мудрецов Востока правда была иная точка зрения, те вообще считали, что всё, что бы не случилось с нами и с миром, написано на каких-то скрижалях, которых никто не видел, но, тем не менее, многие верят в их существование.

Чтобы как-то примирить существующие противоречия, автор взял на себя смелость высказать предположение, что «случайность» – это и есть элемент «необходимости» жизни или наоборот. Или то, что представляется нам случайностью, происходит всего лишь от ограниченности нашего знания. Вот таким простым способом автор разрешил одну из загадок, о которую безрезультатно Можно предположить, что кому-то необходимо было породить смуту против господства римлян, а Иисус был разменной монетой в их игре. Возможно, что за его спиной стояли влиятельные особы. Или же последующие представители религиозной элиты, используя эту личность, пытались создать некую цельную, но, на мой взгляд, не очень складную картину происходящего и нового учения. Вопросов море, а ответов на них нет.

Однако с какой стороны ни посмотришь на эти исторические события, теряющиеся в глубине веков, можно сделать вывод, что и жившие тысячелетия назад люди мало чем отличались от тех, которых мы видим сейчас. Путаница имен и фамилий была задолго до моего появления в этом мире, и с тех пор не уменьшается, а даже становится всё больше, так как каждый толкователь прошлых событий добавляет свою точку зрения, искажает реалии и тем самым еще больше запутывает происходящее. При таких обстоятельствах даже в выборе псевдонима нет никакой необходимости.

Я все-таки думаю, что во всех этих хитросплетениях и некотором совпадении судеб и фамилий не обошлось без случайностей, но именно они и являются самым необходимым элементом всякой жизни. Благодаря случайностям и мы с вами появляемся на свет, также по воле случая из него уходим. У мудрецов Востока правда была иная точка зрения, те вообще считали, что всё, что бы ни случилось с нами и с миром, написано на каких-то скрижалях, которых никто не видел, но, тем не менее, многие верят в их существование. вали свои головы лучшие умы рода человеческого.

И еще мне думается, что Господь Бог, сотворив абсолютно правильный и предсказуемый мир, так как он все-таки был величайший мастер, усмотрел в своем труде скучноватый элемент однообразия и определенности, решил впоследствии добавить ко всему этому великолепию элемент случайности. Тем самым разнообразил происходящее до такой степени, что и ему стало интересно понаблюдать, что иногда получается из всего того, что он натворил. Немного погодя, мы вернемся к этой важной для каждого человека теме и посмотрим, как она реализуется на практике, ибо только она и является пробным камнем любой теории и истины.

Вопросы же веры, согласно существующей точке зрения, принято не подвергать критике и сомнению. С этим автор, безусловно, спешит согласиться, как и с аксиоматическим построением геометрии. Но в этом случае, аксиомы должны быть непротиворечивы, и не представлять собой наваленные в кучу порой бессмысленные и противоречивые истины.

Затронув эту важную тему, автор уже не может остановиться и рассуждает, как заправский профессор богословия какого-нибудь провинциального университета. И, таким образом,

для сведения читателей он сообщает, что в вопросах веры склоняется к убеждениям философов, которые за божество принимали природу, а также ему близки воззрения сторонников учения Раджи йоги, где наиболее незамысловато представлено устройство мироздания и место в нем человека. Вопросы же религии автор, не будучи теологом, выносит за скобки, тем более что рассмотрение различных верований показывает на их близость с небольшими отличиями, и служат они тем, которые озадачены не объединением людей, а их разъединением. Достаточно сказать, что из-за совершенно ничтожных различий религиозных догм было положено неисчислимо много созданных Богом творений. Подумать только, что сторонники одной конфессии, которые крестятся двумя пальцами, готовы передуть сторонников другой, которые крестятся тремя. Я еще могу понять, что спор вышел по причине того, что, по утверждению одних, фигура, которая исполняется тремя пальцами, не может быть исполнена двумя, в то же самое время сторонники другого течения утверждают обратное.

Но, чтобы уж совсем поставить точки, где положено, автор может сообщить читателю, что хоть он далеко отстоит от однофамильцев своего псевдонима. Он не забирался вместе с Иисусом на гору, но ему очень хотелось бы верить в его существование, как человека, принесшего в мир высочайшие морально-этические нормы поведения людей, пусть даже за его спиной стояли другие. Творимые же им чудеса вполне вписываются в деяния человека, владеющего внушением, гипнозом и принципами йоги. А как человек, который немного ближе, чем другие соприкасается с законами природы, автор верит в создателя, конечно, представляя его себе не в виде старичка, сидящего на облаке.

Возвращаясь же к главному, мы можем констатировать непреложный факт, что человек, который написал эти строки, жил без сомнения, а вот был ли он – это большой вопрос. А поскольку в титуле повести стоят конкретные фамилия, имя и отчество, правильнее со всех точек зрения считать все это псевдонимом, который и носит автор этой повести. Псевдоним же дает ему право безнаказанно куражиться, прибегать к смешанному стилю написания, время от времени вживаться в образ героя и повествовать от первого лица. Иногда же, когда как ему кажется, в этом есть необходимость, отстраняться от героя и, как бы со стороны умудренного жизнью человека, критиковать и анализировать его поступки, то есть казаться умнее, чем это есть на самом деле.

Предисловие к «Двадцатому ре-минорному...»

Если автору достанет времени, труда и терпения дописать эти воспоминания, то непременно значительная часть в них будет посвящена всем тем, кто столько сил потратил на нас бестолковых, то есть нашим учителям. Нельзя не сказать и о тех, которые, сами того не подозревая, учили и воспитывали нас и, в сущности, являлись теми, которым мы обязаны всем, а главным образом тем, что мы можем время от времени понимать друг друга.

Один мой старый знакомый, делая акцент на значении слова в жизни человечества, сказал, что существует лишь только то, что написано. «Вспомните! Вначале было Слово!» При размышлении над этими словами, примеряя эту сентенцию по отношению к самому себе и своим близким, я пришел к достаточно мрачному выводу: получалось так, что ни меня, ни других людей, с которыми мне пришлось делить тяготы и радости жизни, как бы и вовсе не существовало. С подобным постулатом, в силу своего упрямого и скверного характера, автор этих строк смириться не мог ни при каких условиях и обстоятельствах. Такие соображения и явились главным толчком, который побудил автора взяться за перо, несмотря на отсутствие подходящего писательского опыта и должной сноровки к написанию рассказов, повестей или романов, впрочем, с короткими рассказами еще куда ни шло.

Этим зарисовкам автору хотелось бы придать название, которое бы в наибольшей степени отражало существо дела. Первоначальный замысел автора состоял в описании происшедших с ним событий, оставивших неизгладимое впечатление в его памяти, и которые были связаны с его пребыванием в далеком степном селении на реке Ишим. Описав эти события в коротеньком очерке «Дети Ишима» и разместив его в средствах массовой информации, автор нашел повышенное внимание к своему труду, как его соплеменниками, так и другой общественностью. Он без определенного чувства удовлетворения обнаружил всего лишь единственное ругательное замечание со стороны своего закадычного друга детства. Но друзьям, тем более друзьям детства, прощается многое...

А поскольку воодушевленный названным произведением народ требовал продолжения повести, автор, поразмыслив недолго, решил продолжить начатое, что в соответствии с первоначальным замыслом и в совокупности с предыдущим трудом должно составить более масштабное произведение. При этом, естественно, придал более масштабному произведению новое название. Название же этого труда, такое, например, как «По волнам моей памяти», хорошо подошло бы к его содержанию, поскольку основано исключительно на зарубках, оставленных жизнью на затылке и в памяти автора. Автор при этом не без основания опасается, как бы просвещенный читатель не обвинил его в плагиате или других грехах, так как рассказов и повестей с подобным названием должно существовать великое множество, поскольку книги сейчас не пишут только уж совсем ленивые.

Согласно законам логики, «Двадцатый ре-минорный» являются частью обширного труда, поскольку объединены главными героями и самим автором. Взвесив все же хорошенько доводы за и против, автор решил своему главному творению «Дети Ишима» и дать ему название «Двадцатый ре-минорный» и с этим наименованием выпустить его в плавание по безбрежному океану жизни. По слабому разумению автора такое наименование, по форме и по существу, должно будет наиболее близко соответствовать написанному.

Но, в конечном счете, поскольку, как уже отмечал автор, эти записки сделаны для себя или, в лучшем случае, для нескольких близких ему людей, он рассчитывает на их благоразумие, чтобы, читая, они не отождествили это наименование с одноименным произведением великого Моцарта. Следует заметить, что подобное наименование вызывает некоторые ассоциации с достаточно грустным или минорным по содержанию двадцатым веком, однако это, по мнению автора, всего лишь случайное совпадение. Хочу заранее предупредить читателя,

что сочинение такого жанра пишется автором впервые, и заранее предугадать, что из этого получится, не возьмется никто, даже сам автор.

Небо над Ишимом и сопками

Часть 1 Allegro

Дети Ишима

Чем дальше от истоков меня уносит течение бурной реки «Времени», тем с большей ностальгией тянет в мир детства. Все чаще мне вспоминаются друзья, приятели, наши увлечения и проделки, сопки, река Ишим, многодневные снежные бураны и многое, многое другое. Больше всего меня беспокоит то, что по какой-либо причине я могу все это позабыть, мало ли что может случиться, так вот и сейчас, по непонятной причине, мне почти перестали сниться сны. Мерещится по ночам всякая дрянь. Наверное, старею понемногу. Жаль, конечно...

В детстве я мог по желанию заказать заранее себе сон на ночь. Особенно часто я заказывал полеты во сне. Не сразу мне удалось добиться ощутимых результатов в искусстве преодоления притяжения. Необходимость обучиться этому ремеслу возникла также из сновидений. Многим знакомо чувство беспомощности в ночных кошмарах.

Так вот, обнаружил я в себе способность парить в пространстве случайно. Однажды при прыжке во сне я почувствовал какое-то приятное ощущение легкости и свободы. Опускаться вниз не хотелось. Я вначале сделал движение руками, напоминающее гребок от земли, как вдруг падение замедлилось, а затем и вовсе прекратилось. Если быть точным, это парение в воздухе скорее напоминало плавание под водой с той лишь разницей, что можно было свободно дышать и не требовалось больших усилий поддерживать равновесие. Для новичков, которые начнут осваивать эту стихию, я бы посоветовал остерегаться линий электропередач, они попадают там, где меньше всего их ожидаешь. Меня, во всяком случае, при подъеме и приземлении они беспокоили больше всего.

Звезды и сопки

Помнится, днем я с нетерпением дожидался вечера, а вечером засыпал с блаженством, ожидая грядущих происшествий и событий в предвкушении радостного ощущения полнейшей свободы. Не зря, видно, древние считали, что свободу не стоит продавать ни за какие деньги. Повзрослев, я не переставал руководствоваться этим правилом, конечно, мне не удалось разбогатеть, но благодаря этому правилу удалось избежать многих житейских проблем.

Несколько позднее, не так много лет тому назад, меня со странной периодичностью начали посещать другие сны. Они приходили сами без моего вмешательства, были более редкими и разнообразными. Это были сны, так или иначе связанные с моим детством, проведенным в маленьком селении, расположенном на берегу реки Ишим. Со временем сны стали беспокойнее.

Мои товарищи и односельчане, развеянные временем и переменами по всему свету, сообщали, что Ишим катастрофически мелеет, что в нашем поселке не осталось ни одного человека, который бы помнил о своих «героях», т.е. о нас, и что всё переменялось до неузнаваемости. В довершение всего, мне приснился сон о том, что на месте «Нашей сопки» вырыли огромный котлован, поскольку геологи обнаружили в ней какие-то полезные ископаемые. Мне всегда казалось, что наши сопки не простые, а в их глубине скрыты безмерные сокровища, и это придавало им особенную таинственность. А на месте старого русла Ишима, где проходили дни нашего детства, прорыли канал и по нему транспортируют открытые в «Наших сопках» эти самые сокровища. Согласитесь, друзья мои, что поводов для беспокойства и даже паники у меня было более чем достаточно. Шло время, а мое беспокойство не только не проходило, а лишь усиливалось.

Как-то недавно редактор одного из журналов, мой старый знакомый, рецензируя очередной мой научный опус, заметил: «А знаете коллега, ведь того, что сделано или есть, уже не существует. Существует лишь только то, что написано!» Вот я и подумал, что, возможно, эти воспоминания, положенные на бумагу, хоть в какой-то степени помогут мне или моим друзьям сохранить немного из того, что так безжалостно истребило и продолжает истреблять время. По правде говоря, задача эта не из легких, и, на мой взгляд, по плечу настоящим маститым писателям, к которым автор себя не причисляет. Но, насколько мне помнится, среди моих закадычных друзей и приятелей нашего затерянного в степи поселка каких-нибудь потомков Гоголя, Бальзака или Толстого не водилось. Что же касается отсутствия у автора должного таланта для описания исторических событий, связанных с его пребыванием на берегах Ишима, в этом отчасти не его вина.

Был случай в моей школьной биографии, который надолго отбил у меня что-нибудь писать для посторонних. Это случилось в первый мой год пребывания в названных выше местах, куда мы переехали с цветущей Украины. Осенью, в самом начале занятий в четвертом классе, на уроке русского языка, нас, школяров, попросили написать сочинение о наиболее памятном летнем дне. И я написал честно, как на духу. Впервые в жизни ни у кого не списывал.

В память мне врезался один денек, когда я со своими дружками по вылазкам в соседские сады решил посетить и проникнуть на расположенное за городом военное стрельбище и набрать там автоматных гильз и патронов, а если повезет, то чего-нибудь и посущественнее. Дорога перед полигоном проходила сначала по полю, потом пошла через лес. Меня после посещения сада и неограниченного употребления черешни полуденное солнце что-то расслабило, я отстал от остальной толпы и остался один на лесной поляне. Развалился в высокой траве и смотрел на островок неба, окруженный верхушками берез и сосен. Писал я о теплом летнем украинском дне, поляне, зеленой траве и белоснежных облаках, плывущих в лазурном небе, писал, как художник пишет с натуры свою возлюбленную.

Наша учительница Ядвига Адольфовна очень похвалила меня и мое произведение, однако впоследствии долго и деликатно допытывалась, из какой такой книги все это я передрал? Вероятно, этот случай повлиял на мое отношение как к писательству вообще, так и справедливым судам, в частности. Так, едва начав, я завершил свою карьеру художественного писателя, возненавидев не только русский язык, но и все языки в мире, отдав себя полностью изучению науки, техники и жизни.

После этого случая сочинения я только списывал. Но, как говорится, «сколь веревочке не виться». Это небрежение достигло таких пределов, что, когда наступило время образывы-

ваться дальше, у меня возникли серьезные проблемы с сочинительством. Писал я что попало, а знаки препинания расставлял примерно равномерно по тексту написанного. Перед последним вступительным экзаменом по русскому языку в высшую школу я проконсультировался с бывальыми людьми, как мне быть, и мне посоветовали писать как можно более короткими фразами, избегать сложных фразеологических оборотов и кроме точек не ставить никаких других знаков препинания. Я так и сделал. Сочинение написал как можно более крупными буквами и односложными предложениями на половине стандартного листа. Клянусь! История приемных экзаменов в мире не знает более лаконичного сочинения.

В нашем мужском физико-техническом «монастыре» кафедры русского языка не было, а проверку сочинений проводила кафедра иностранных языков. Уверен, они повеселились от души, может быть, даже попадали со смеху, читая тот опус. Я же ждал последнего и окончательного приговора членов экзаменационного судилища. Приемную комиссию физико-технического института раздирали глубокие противоречия, – какое принять решение? Все остальные экзамены, на тот раз, мной были выдержаны даже лучше, чем хорошо. Вместе с тем «кол», хоть и по непрофильному экзамену, согласно действующим законам, с очевидностью лишал меня возможности дальнейшего совершенствования в физических и технических науках.

Неожиданно меня попросили срочно зайти на кафедру иностранных языков и обсудить там какие-то возникшие вопросы. Я понял, всё! Мое появление было встречено присутствующими педагогами кафедры с любопытством и нескрываемым интересом. Пододвинув ко мне наполовину мной исписанный большими буквами лист, они уточнили, точно ли перед ними автор этого произведения. Я и не стал отпираться от авторства и написанной там ереси. После чего меня попросили своей ручкой и своей рукой исправить допущенные ошибки и отпустили. «Беспредельна милость творца и кафедры иностранных языков, – подумалось мне. Будучи, правда, уже студентом и встретившись с представительницами кафедры в другом качестве, я понял, что поспешил приобщить педагогов этой кафедры к ликам святых.

Пишу это все я к тому, чтобы заранее предупредить незнакомого мне читателя о том, чтобы он не искал в этой бесхитростной истории изысканного слога, оригинальных метафор и всего остального, что отличает профессионального писателя от любителя. Одно меня извиняет, друзья мои, это то, что во всем здесь написанном есть истинная правда. В этой истории нет ничего такого, что, почитывая написанное, мои старинные друзья-приятели могли бы сказать: «Ну и мастер же он приврать!» В детстве, конечно, я был изрядным фантазером, мечтателем и хулиганом, причем это все легко уживалось в одном лице. Где-то в классе четвертом за многочисленные проделки меня собирались отчислить из школы, но молоденькая и хорошенькая учительница Вера Станиславовна, жена тирана-завуча, встала на мою сторону. Навсегда запомнились произнесенные ею в мою защиту слова: «Вот из таких, в конце концов, и получается что-то стоящее!». Может подсознательно, в последующий период жизни, я стремился оправдать ее веру, ведь надо же было такому случиться! И имя-то у нее было Вера! Ну, а что из этого получилось, судить не мне. Иногда мне кажется, что получилось, а иногда и нет.

Сопки и остров

Ишимская Республика

Я сознательно пока не указываю точного местоположения поселения, где нам жилось так привольно, за редким исключением привожу имена и даты. Мне сейчас кажется, это могло происходить в любом месте и с каждым из нас на бескрайних просторах канувшей в Лету, назовем ее «Ишимской», республики. Не тратьте времени и труда на поиск ее на географических картах, в лучшем случае сейчас в тех местах, о которых я веду речь, можно обнаружить одноименную реку с неопределенным, наполовину высохшим руслом. Немного позже, как только повествование будет приближаться к концу, я собираюсь по фрагментам, сохранившимся в памяти, а может и фотографиям друзей и односельчан, восстановить и нарисовать карту нашего селения, а то и всей республики. Вдруг кому-нибудь и пригодится! Пока же, в подтверждение своих слов, приведу примерное изображение того, что могли бы случайно увидеть какие-нибудь пришельцы, выглянув из иллюминатора своей летающей тарелки.

На панораме внизу видны те замечательные места, над которыми автор этой повести в юном возрасте во сне оттачивал свое мастерство в преодолении земного притяжения в сумеречном небе над Ишимом и его сопками.

Полеты во сне

Тем же, кто не видел наших мест и селения, окруженного каймой сопок и спускающегося с западной стороны к Ишиму, могу с уверенностью сказать, они не видели в жизни ничего стоящего. Во всяком случае, я могу судить об этом по своим последующим годам жизни вдали от Ишима и его обитателей. Я исколесил и облетел огромную страну с запада на восток и с юга на север. Легче назвать те места, где меня не было, чем те, в которых мне пришлось побывать и не один раз. Побывал в чужих странах и на других континентах, жил во всяких там отелях, но ничего сколько-нибудь напоминающего окружающее и атмосферу той страны нашего детства – не встречал.

Настоящим было все, что нас окружало, – сопки, солнце, вода, снег, воздух, еда, запахи свежескошенного сена, бездонное ночное звездное небо, раскинувшееся над нами до которого можно было дотянуться рукой. Настоящими были и люди, живущие в этих краях. Конечно, и мы ребята – тоже были настоящими: – дружили, влюблялись, дрались, купались и рыбачили в Ишиме. Гуляли весной и летом по цветущим сопкам, катались с сопки зимой, играли в войну, стреляли из пугачей; ездили на всем, что может перемещаться, устраивали набеги на поля с созревающими дынями и арбузами и многое другое. Те, кто побывал у нас хоть раз, могут это вам подтвердить.

Звездопад над Ишимом

Главной достопримечательностью селения была сохранившаяся, стоящая на трассе при въезде в него старинная ветряная мельница. В то время ее уже редко запускали в работу, хотя она неплохо с ней справлялась, поскрипывая своими дырявыми крыльями. В настоящее время эта мельница могла бы быть визитной карточкой или вместе с рекой и сопками украшать герб нашей бывшей «Ишимской» Республики. На всякий случай, чтобы вы себе это лучше представляли, я решил здесь поместить ее изображение. Может быть, ее уже и нет.

Ветряная мельница

Этот ветряк выполнял для нас еще одну важную функцию, которая никак не была предусмотрена его создателями. По другую сторону трассы располагались бахчи, где росли дыни и арбузы. Охрану этих территорий обычно несли ингуши, народ темпераментный и вспыльчивый. Верхом на лошади с длинной нагайкой они периодически объезжали вверенные им владения, и горе было тем, кто окажется на охраняемой ими территории. Один из них мне запомнился, может потому, что носил образное прозвище – «Казбек». Казалось, что его образ был вылеплен с одноименного рисунка коробки популярных в то время папирос. Наиболее ловкие из нас взбирались по крыльям ветряка, оттуда хорошо просматривались вверенные Казбеку поля. Отряд сорванцов в это время располагался под ветряком, дожидаясь сигнала штурма бахчи. Несмотря на грозный и внушительный вид Казбека, я что-то не могу припомнить случая, чтобы кто-то из нас был им выпорот. Ну да, если нас застигали на месте преступления, вся шайка бросалась врассыпную, а Казбек на лошади, как ураган, метался между нами, щелкая в воздухе при этом своим кнудом. С нас было довольно и этого! Иногда, правда, он палил из своего дробовика. К счастью либо дробовик не был заряжен либо стрелял он выше наших голов, поскольку боевых потерь в наших рядах не наблюдалось. История, однако, об этом умалчивает. Наши девчонки не участвовали с нами в набегах на общественную бахчу родного поселка, у них были свои предпочтения. В огороде некоего Кобара или Козара, точно не помню, рос крыжовник, достаточно редкий «злак» для нашей местности. Растительности в самом поселке, за исключением старой школы и хуторка Кобара, тогда почти что не было, вот там-то и находились кусты этого желанного крыжовника. Как и мы с бахчей, девчонки совершали набеги на огород Кобара. Не помогали ни собаки, ни сам хозяин. Так что наши подружки были нам под стать, поэтому и сейчас, когда нас разделяют тысячи километров и живем мы в разных странах, мы испытываем к ним самые теплые и трогательные чувства.

Много лет спустя после этих налетов на бахчу и крыжовник, я со своей хорошенькой женой впервые навестил тогда еще живую матушку. Жила она уже на Украине в пригороде большого города, где еще сохранились утопающие в садах частные дома. Мы с моим другом были тогда молоды, и каждый день по узким улочкам пешком ходили купаться и позагорать на берег Днепра. Шел август, время созревания абрикосов, яблок, груш, слив, одним словом, всего. Для сведения, у мамы старая груша стояла вблизи домика, под которой я по приезде устанавливал обеденный стол, и созревающие груши валились прямо нам на головы, а абрикосами, которых девать было некуда, питались соседские козы.

Как-то, проходя мимо одного дома с палисадником, моя женушка увидела спелые, золотистые груши с розовым бочком, едва ли не опускающиеся нам на голову. Ее взгляд, пока мы шли по дорожке, не отрываясь, следил за этими свисающими за забор фантастически аппетитными плодами, а как только мы поравнялись с этим домом, из глубины палисадника раздался голос, который с характерным украинским акцентом попросил мою подругу нарвать себе этих груш: «Зирвы, дитынку! Зирвы!» Невидимый нам дед поступил так же, как поступил бы и я с девчонками нашего селения. Но тогда не то, что груш, а зеленого кислого крыжовника у нас не было.

Вот я и думаю, почему бы этому Кобару было не привязать своих злющих собак да пригласить наших девчонок на дегустацию этого чудесного крыжовника. Тогда и он мог бы рассчитывать войти в эту историю хорошим человеком, а так нет. Историческая правда по-моему, превыше всего!

Архитектурных излишеств селение наше, на мой взгляд, не имело. Человеческий гений в условиях полного отсутствия строительных материалов творил свои жилища из того же материала, что и Господь Бог – самого гения, то есть из грязи, добавив туда немного соломы и навоза. Не так давно мне довелось побывать у наших друзей арабов в междуречье Тигра и Евфрата. Тем, кто, как и я, имел в школе проблемы с гуманитарными науками, вроде истории, сообщаю, что там некогда возникла древнейшая в мире цивилизация, которая просуществовала свыше 25 веков. Так и там мне встречались глиняные строения наподобие тех, что были у нас. Потомки вавилонян, правда, разнообразили свою архитектуру жилищами, напоминающими перевернутые вверх дном глиняные горшки с одним входом и без окон, но были и глиняные коробки наподобие тех, которые стояли в наших краях. Правда водяная мельница и водочерпалка с деревянным колесом в возрасте около трех тысячелетий исправна и функционирует у них и поныне!

Мой водитель, потомок древних ассирийцев, показал мне могилу Каина, это на горе недалеко от Дамаска, причем он говорил об этом так, как будто он сам участвовал на его похоронах. Как после этого не воскликнуть: «Действительно великий народ! Действительно великая цивилизация!» И нам есть о чем призадуматься!

Справедливости ради стоит сказать, что эти незамысловатые глиняные коробки с плоскими крышами исправно служили нашему степному люду. Что же касается исторической памяти народа, то к своему стыду, а не примеру, я ничего не могу сообщить вам даже о собственной бабушке. Но эта тема для другого более грустного повествования.

К другим особенностям нашего селения, вне всякого сомнения, можно отнести пестрый состав жителей, его населяющий. Здесь были сосланные горцы – ингуши, чеченцы, а также нордические эстонцы и немцы, бесшабашные любители выпить – русские и украинцы с поляками, казахи и многие другие, да разве всех упомнишь. Горцы свои глиняные жилища, следуя естественным наклонностям, поднимали повыше и поближе к горе, а эстонцы подальше ото всех, образуя что-то наподобие хуторов, остальные сгруппировались в строгом беспорядке. Если не считать закоулков, улица была одна. Она по кривой траектории поднималась с равнинной части поселка, минуя школу, затем магазин и, наконец, выходила на пригорок сопки, где находились клуб и библиотека. Зимой на лыжах по этой улице, съехав с нашей сопки, можно было промчаться через весь поселок почти до самой школы.

Сейчас, когда я просматриваю со спутника хитроумные изгибы Ишима с многочисленными селениями по его берегам, начиная от его зарождения до слияния с северными реками, у меня возникает ощущение, что я исследую некую возникшую на его берегах цивилизацию. А чего стоят старинные фотографии моих сверстников и их предков из различных селений, географически разбросанных на многие сотни километров, которые свидетельствуют об их быте, занятиях, одежде, жилище – мои догадки переходят в уверенность. Я, пожалуй,

возьму на себя смелость утверждать, что на берегах Ишима существовала достаточно развитая «Ишимская» цивилизация!

Доказательств тому более чем достаточно, ведь это ее обитатели распахали все окружающие пространства. Вместе с тем остается главный и наиболее сложный для меня вопрос – зачем? Ведь степь необыкновенно хороша в любое время года, и почему после этого люди ушли из этих обжитых мест? И не повторяет ли, не так уж и давно существовавшая цивилизация, судьбы цивилизаций Атлантиды, междуречья или племен Майя? И это меня тревожит.

Вот почему любые сведения оттуда, из прошлого, представляются мне особенно важными. Для большей убедительности и в подтверждение этих размышлений приведу стенограмму своей переписки с одной из «найденных», спустя пятьдесят лет, жительниц той исчезнувшей страны, назову ее для краткости – «девушка, с которой когда-то танцевал», позже я назову и ее имя. После продолжительных расспросов своего друга детства, как недавно оказалось, он более сорока лет живет по соседству со мной, у меня возникли какие-то проблески в памяти. Благодаря современным средствам связи, я установил и поддерживаю контакты с моими товарищами и друзьями детства, разлетевшимися в смутные времена во все стороны света от родных мест, и что-то начинает проясняться. Вот невыдуманный диалог с одной из жительниц той затерянной в степях республики.

Viktor: – Привет! Был в гостях у твоего одноклассника и моего друга детства. Он показал фотографию вашего класса, где есть и твое фото. Конечно, трудно и почти невозможно узнать в солидной даме ту молоденькую девчонку.

Ludmila Lorenz-Акреров: – Привет! Это правда! Разве я могла бы узнать в таком представительном мужчине того мальчишку. Бегали вместе. В школе на вечерах танцевали. А теперь прошел бы мимо, я бы в жизни не узнала. Рада, что ты написал. А то я думала, после защиты перестанешь писать, шучу, конечно.

– Давно не пишешь, или зазнался. Зайди через меня на сайт к Б.В., есть интересное фото с тобой. Может легче будет вспомнить. Хорошее фото. Там молодой, симпатичный и очень простой парень В. З. с девчонками и со своим неразлучным другом.

Viktor: – Нет, не зазнался. По-видимому, от этого у меня иммунитет. Стояла страшная жара, вот я и уехал туда, где никаких средств коммуникаций нет. А сегодня, по необходимости, приехал на квартиру. Объявился В. Г., краса и гордость всех наших поселковых мальчишек.

Ludmila Lorenz-Акреров: – Привет! Я знала, что В. Г. под Берлином и недавно ушел на пенсию. Но все равно у меня такое ощущение, что это из другой жизни. Только я уже много забыла. Я ведь с родных мест с 64 года и почти там не бывала. С семьей жила в Киргизии. И теперь уже 16 лет в Германии. С. Т. часто звонит и если о ком-то рассказывает, а я не помню, – злится. Она до последнего времени ездила в наше селение, живет сейчас под Дортмундом, а я под Штутгартом.

Viktor: – Привет! И со всеми праздниками, какие есть! Летал в Новосибирск. На обратном пути решил посмотреть поближе Ишим, поехал поездом. Так что от всех Вас передал привет реке нашего детства. Ну и разумеется, от нее тебе привет вместе со мной.

Ludmila Lorenz-Акреров: – Привет В.! Тебя тоже с прошедшими праздниками! В этом году лечу на свою Родину, вернее в Новочеркасск, брат остался там. Обязательно заеду в наш поселок, и уж тогда распишу все. Я не была там с 70г. Ты как? Молодец, так держать!

Viktor: – Привет Л.! Обязательно напишешь, – как там нашу сопку не снесли? Недавно мне снился страшный сон. Как будто я появляюсь в родных местах и ничего не могу узнать там: где была наша сопка – яма, в ней якобы нашли какие-то ископаемые, речку тоже повернули. Короче, одни ужасы! Так что одна надежда на тебя.

Ludmila Lorenz-Акреров: – Привет! Вернулась из отпуска и решила с тобой поделиться своими впечатлениями о нашем селе детства. Была, конечно, в нашем поселке. И вот уж действительно с большим трудом что-то узнавала. А то и не могла узнать. Поселок расстроился.

В ту сторону, где вы жили, весь новый. А тут, где была раньше школа, сад очень вырос, и все заросло. Здания почти не видно. И там, где был наш старый поселок, тоже все новое. Старые дома снесли и построили новые. Почти ничего невозможно узнать. Сопка наша стоит. Но почему-то показалась мне маленькой, низкой. Или уж правда вросла в землю? Или изменились мои понятия о размерах? Речка, Витя, почти высохла. Остался, можно сказать, большой ручей. И вообще это уже не наш поселок. От души сказать, я глубоко жалела, что вообще поехала. Почему-то все увиденное отозвалось в душе огромной болью. Как будто там только поняла, что годы ушли. И наших людей там никого нет.

Viktor: – Здравствуй! Не зря видно мне кошмары снились. Спасибо тебе, что не забыла про все самое главное. Я пытался разобраться с нашим поселком по спутниковой карте, но, сколько ни ломал голову, никаких приметных мест не обнаружил. Конечно, за полвека многое меняется, но не до такой же степени! Испанцы говорят, что жизнь – это сон. А один мой знакомый даже утверждает, что существует лишь то, что написано. Выходит один способ сохранить – это написать. Может быть, и возьмусь за это. Еще раз тебе спасибо. До связи!

Сопки

Селение наше расположилось на небольшой возвышенности у подножья сопки с простым и понятным для всех названием «Наша сопка». В любое удобное время туда можно было взобраться и осмотреть окрестности, разместившись на выпирающей из западного склона скале. Наша сопка служила не только местом прогулок и «домашнего» катания на лыжах, но и сторожевым постом для наблюдения за «дикими» племенами из соседних поселков. Желающих запросто так покататься с наших гор было достаточно и на севере, и на юге. Ведь у них-то своих гор не было.

Наши дозорные легко обнаруживали «неприятеля», когда он черной змейкой пересекал заснеженный остров между старым и новым руслом Ишима. Мы бросались наперез, и если они не успевали вовремя повернуть обратно, дело доходило до рукопашной. Повзрослев, я не без стыда вспоминал об этом. Правда, когда мы оказывались на «чужой» территории, нам платили той же монетой. Поколачивали больше других нашу компанию, которую впервые в истории селения решили образовывать далее начальной школы и для этого направили в соседний поселок, с которым мы находились в состоянии войны.

Со временем противоречия между нами сгладились на почве игры в футбол: и нам, и им нужны были реальные противники. Процессу «нормализации» отношений также способствовал присланный из «вражеского» в наше селение новый директор школы. Со всей семьей этого замечательного человека, спустя некоторое время, подружился и я. Позже мы стали приглашать наших соседей в гости поиграть в футбол, покататься с наших сопки. И это было здорово! Катались на лыжах они хуже, зато бегали лучше нас, по-видимому, сказывался прошлый опыт посещения наших гор. Из этих лет я вынес ценный проверенный жизнью вывод – дружба намного приятнее и полезнее вражды и войны.

В разгаре весны, когда снег оставался только в лощинах северных склонов, сопки как будто взрывались от бурлившей в них весенней энергии, выбрасывая ее на поверхность склонов сопки в виде огромных островов невысоких тюльпанов всех мыслимых цветов и оттенков. Эти цветы словно соперничали с разноцветными платяницами и юбочками наших девчонок, прогуливающих весенними днями по сопкам. Собственно, небольшие группы одетых в разноцветные юбочки и платяница девчонок издали тоже были похожи на островки разноцветных цветов. И пусть теперь кто-нибудь попробует сказать мне, что этого не было или что это было в какой-то жизни другой затерянной и пропавшей страны.

Жили мы согласно вечному календарю времен года, поэтому вскрытие реки и ледоход на реке нами связывался с началом весенне-летнего сезона, в ходе которого вся наша жизнь была неразделима с рекой, купанием и рыбной ловлей. К концу наводнения вода в Ишме достаточно быстро спадала и прогревалась, старое русло мелело, образуя многочисленные отмели, через которые можно было проникнуть на остров и оказаться в непривычном для степного обитателя мире. Небольшие глубокие озерца с чистой темно-синей, почти черной водой, окруженные плотной стеной камыша, буйство высокой зеленой травы и цветов. Для нас, не избалованных обилием растительности, этот остров был наподобие рая, точное описание которого христиане могут найти в Библии, а мусульмане в Коране.

Чуть подальше вверх по течению реки, километрах в трех-четыре, находилась наша гордость, сопка «Змеиная». Свое название эта сопка получила давно. Старожилы рассказывали, будто раньше там степных гадюк было видимо – невидимо. Они постоянно приползали в поселок или прицеплялись к дойкам коров, пахнущих свежим молоком, да и вообще доставляли не только коровам немало хлопот. Рассказывали также, что когда терпение народа лопнуло, люди обложили гору соломой, облили соляркой и подожгли ее со всех сторон. С тех пор численность змеиного племени сильно поубавилась.

Хочу сказать, что еще и на нас их хватало с лихвой. Если вам, к примеру, ранней весной очень захотелось увидеть гадюку, нужно было добраться до этой сопки, перевернуть первый, попавшийся вам на пути приличного размера булыжник, и под ним вы бы нашли то, что искали: свернувшуюся в клубок спящую гадюку. Когда становилось теплее, гадюки просыпались и выползали из укрытий, забирались на камни и грелись на солнышке. По невнимательности можно было на них и присесть. Правда, при встрече они никогда не нападали первыми, а чаще всего с шипением уползали. Весной, когда вода поднималась высоко, их иногда вымывало из-под камней. Тогда змеи, как поплавки, высунув головы из воды, двигались по течению. Между нами было принято неписаное правило при купании – освобождаться от объятий змеи в воде, не выходя на берег. Существовало мнение, что под водой змеи не кусаются.

По воскресным дням зимой на трех склонах «Змеиной» оттачивали свое мастерство наши любители скоростного лыжного спуска. Те, кто находился на нижней ступени, осваивал северный склон. Более продвинутые – восточный. Западный склон мог удовлетворить любого, желающего прокатиться с ветерком. Скорость спуска там достигала такого уровня, что из-за встречного потока ветра слезы из глаз текли рекой, а даже незначительные неровности по трассе приводили к многометровым прыжкам. Это был скорее полет с короткими касаниями склона. С вершины этот склон, перед съездом, почти всегда вызывал у меня ощущение внутреннего холода.

Четвертый, южный, склон носил свое имя – «Чертово Ущелье», из-за его крутизны склона, обилия камней и каких-то кустов. Этот склон намеревались покорить самые отчаянные из нас, в том числе и я. Однако благоразумие брало верх. Дошедшие до нас легенды о смельчаках свидетельствовали, что урожаем таких спусков были поломанные лыжи, ребра и головы. К слову сказать, в те времена проломленная голова ценилась намного дешевле деревяшек, которые мы гордо называли лыжами. Поэтому, накатавшись вдоволь со всех склонов, потоптавшись на вершине этого «Чертова ущелья», бесславно, но с целыми головами и лыжами мы возвращались по домам.

Была бы допущена несправедливость, не упомяни я еще об одной сопке по имени «Вышка», такое название она получила за то, что некогда геологи на ее макушке действительно взгромодили вышку, может для ориентировки, а может еще для чего. Эта сопка нравилась мне почему-то больше всего. Расположена она была в глубине гряды, на восток от русла Ишима; имела приличную высоту и необычайно правильной формы профиль склона. Снег на ее склон ложился так ровно, что можно было подумать, его сознательно выглаживает кто-то очень заботливый для катания наших малышей.

Добраться до нее можно было и от «Нашей сопки», взяв немного на восток и перевалив несколько сопкок. Езда с этой горы доставляла мне непередаваемое удовольствие. По воскресным дням, когда в нашей программе было посещение «Змеиной», я сознательно отставал от всей кавалькады и поворачивал в сторону «Вышки», хоть на пару часов. Навестив свою любимую сопку, я направлялся к моим товарищам, облепившим склон «Змеиной», и незаметно присоединялся к ним. Мне не нравилось рассказывать своим товарищам о том, где был и чем занимался, ведь любовь – это чувство глубоко индивидуальное.

Значительно реже, правда, я навещал ее и летом. Именно эта сопка, покрытая белоснежным искрящимся снегом, являлась ко мне в счастливых сновидениях, словно давая понять, что и она все еще помнит обо мне. После этих сновидений я неизменно просыпался окрыленный, со счастливой улыбкой на лице, и у меня всё получалось. Но летом сопки нас почти не видели, у нас были неотложные и важные дела – с утра до позднего вечера мы пропадали на реке, занимаясь рыбалкой и купанием. Там мы проводили почти все свое время, отвлекаясь разве что на игру в футбол.

Степь

Лишь те, кому доступно искусство преодоления земного притяжения, чтобы подняться высоко вверх, могут по достоинству оценить величие и безграничность степи. Даже нашей Змеиной сопки здесь будет маловато.

Каждый период времени года преобразует степь до неузнаваемости. Зимой это бескрайний простор сверкающего белизной снега, над которым простирается чистейшей голубизны купол небосвода. Когда температура воздуха падает, мельчайшие частицы влаги в атмосфере кристаллизуются, неподвижно висят и сверкают серебристыми блестками в воздухе, создавая праздничное рождественское настроение. Во время оттепели, перед бураном, падающий снег собирается струящимися по поверхности снежного покрова змейками. Перед бураном со всех сторон валит обильный снег, который липнет к одежде, лицу и замуровывает глаза, а когда буран особенно неистовствует, на расстояниях нескольких шагов не видно ни зги. В это время прогулки по степи или даже безобидные пробежки от дома к соседнему дому становились небезопасными. Можно было пройти в двух шагах от жилища и не разглядеть его за плотной снежной завесой. В это время из-под крова лучше не высовываться, а заняться какой-нибудь созидательной работой, мысленно представляя себе, что там творится за стенами дома и в открытой степи.

Остров после ледохода

Особенно хороша степь весной, когда, пробуждаясь от зимней спячки, ее бескрайнюю поверхность покрывают тюльпаны, которые у нас называли «кукушкины слезки», ирисы, маки, простирающиеся до самого горизонта. Вот тут-то и понимаешь, что имели в виду летописцы, которые описывали красоту райских мест. Видя такую красоту, язык немеет, сознавая все свое бессилие.

В это время года я особенно завидовал пасущимся лошадям со своими детенышами, без всякой сбруи резвящимся на зеленой травке, расшитой фантастическими узорами живых цветов. «Вот это свобода! Вот это и есть счастье!» – говорил я про себя. И даже пытался мысленно вжиться в их образ, валясь на траву с цветами, и наподобие лошадок перекатывался по ней на спине. Но, как и все хорошее, этот период длится недолго, горячие суховеи сжигают красивые, но слабые цветы. Только ковыль сопротивляется их огненному дыханию, превращая степи в безбрежное серебристое море.

Степное море

Остров летом

Я никогда и не представлял себе, что даже полупустынная степь может таким замечательным образом воздействовать на человека, пока однажды не оказался в глубинке сибирской тайги. В тех, тоже красивых, местах строились поселки, а для этого вырубали нетронутый веками таежный лес. Очувтившись на такой вырубке, я долго не мог понять причину поселившегося внутри меня дискомфорта. Куда ни посмотришь, со всех сторон меня окружала стена голых стволов высоких сосен, застилавших от меня горизонт. «Ну, прямо как в деревянном колодце! Разве здесь смогут долго жить люди?» – думалось мне. Вот тогда до меня дошел сокровенный смысл и ощущение красоты степи в любое время года, которое порождалось беспредельностью, как небосвода, так и видимой линии горизонта. Мне кажется, что подобное восприятие степи сохранили в душе все дети Ишима, и от этого нам уже никуда не деться.

Ледоход

С западной стороны селение спускалось к старому руслу Ишима, которое вплотную прижалось к гряде сопки и поселку. Видимо, после бесполезных тысячелетних попыток Ишима смыть сопки со своего пути, река словно опомнилась и отступила километров на шесть-семь в степь, образовав новое русло. Далее к западу, в направлении озера Тенгиз, простиралась ровная, как стол, степь. Между старым и новым руслом реки образовался огромный остров с бесчисленными озерцами и тупиковыми камышовыми заводами, поросшими желтыми и белыми кувшинками.

Весной, во время таяния снега, уровень реки поднимался на многометровую высоту, при этом старое и новое русло объединялись, а островная часть полностью уходила под воду. Обычно перед ледоходом стояла влажная сумрачная погода или туман, а река приходила в движение ранним утром. Перед этим раздавался сильный треск, лед слегка сдвигался, потом некоторые льдины под натиском заползали на другие, с шумом разламывались на куски, а далее, будто сговорившись, начинали свое движение по течению куда-то на север, как это видно из фотографии.

Ледоход на Ишиме

Конечно, никакие фотографии не могут передать того величественного представления, которое ежегодно демонстрировал нам Ишим. В это время мне представлялось, что это не река с льдинами катит на север, а наш поселок вместе с жителями и сопками дрейфует на юг в теплые моря, изредка наталкиваясь на огромные льдины. Это впечатление не рассеивалось, а даже крепло, если бы взобраться на верхушку «Нашей сопки». В западном направлении, насколько хватало зрения, ничего кроме воды и льдин видно не было. Лишь соседние поселки, которые

выросли позднее на левом берегу нового русла, казались небольшими островками, с которыми ошалевшая река вот-вот окончательно разберется и поставит точку в их существовании.

Для наших «высокогорных» жителей ледоход был величественным явлением природы и не представлял особой опасности, если не испытывать судьбу в попытках прокатиться на льдинах. Но для соседних поселков, расположенных на равнине, в годы высокого паводка это красивое зрелище превращалось в бедствие. Глядя с верхушки «Нашей сопки» можно было предположить, что ее жителям приходилось не сладко, и нами высказывались «шутливые» предположения, что наши друзья из Первомайки уже пустились в плавание. А там было не до шуток. Под конец ледохода на берегу оставались огромные льдины, которые еще долго таяли, а затем рассыпались на продолговатые, напоминающие прозрачный хрусталь, осколки.

Река возле нашего поселка делала резкий поворот на запад, и во время ледохода пробовала на зубок берег на месте разворота, где со временем образовала высокий крутой обрыв, который практически отвесно спускался к воде. Часть реки в этом месте имела свое название – «Глубокое». Летом «Глубокое» было излюбленным местом для нашего купания. Во время ледохода льдины обязательно причаливали к этой части берега. Эта особенность поведения льдин постоянно провоцировала меня рискнуть и прокатиться на какой-нибудь льдинке, причалившей к берегу возле свинарника, метров на пятьсот от поселка выше течения. Риск был весьма серьезным, и я так и не смог набраться духу попробовать.

Как-то с другом Толькой мы пошли прогуляться и взглянуть, как там дела на реке, и скоро ли можно приступить к рыбалке. Лед с реки уже ушел, вода немного спала, но была еще мутной. Какой-то дальновидный и нетерпеливый рыболов, по-видимому, работник свинофермы, перед нашим приходом привез на реку деревянную лодку, спустил ее на воду, «посадил на цепь», и как раз в том месте, откуда мне хотелось прокатиться на льдине. Все-таки лодка не льдина, а другого такого случая проверить траекторию их движения, могло и не представиться. Как я теперь понимаю, лодка за зиму отлично высохла, и ей нужно было хорошо набухнуть перед началом навигации. На дне лодки было немного воды, и, конечно, отсутствовали весла, что нас несколько не смутило.

Освободить лодку от привязи было минутным делом. Мы попрыгали в лодку, и ее стремительно начало относить от берега. Как только мы уверено отчалили от берега, со всех щелей между разошедшимися досками лодки струями хлынула вода. «Тонем!» – заорал Толька. Я и сам видел, как мы быстро погружаемся. И мы, вдвоем, горстями принялись вычерпывать воду из лодки. Трудились мы не за страх, а за совесть, а между тем лодку все дальше относил от берега, и она, хоть и медленно, продолжала идти ко дну. В этот момент служитель свинарника заметил свою уплывающую лодку и, истошно крича, кинулся к берегу, при этом он, размахивая руками, поминая всю нашу родню, не забывая время от времени и создателя.

Но все было напрасно. Весел у нас не было, а ледяной воды за короткое время успело набраться почти по щиколотку. Течение было приличное, лодка набирала скорость и, как кит, выбрасывала вверх фонтаны воды. Потихоньку хозяин лодки начал отставать. Лодка уже двигалась почти параллельно берегу. Тут было самое время полюбоваться открывающимся пейзажем проплывающего мимо селения и приветливо помахать рукой его аборигенам, но нам было не до того.

До момента, когда вода в лодку хлынет через верх, оставалось немного, и нам пришлось до предела увеличить свои «обороты». По-видимому, скорость натекания воды и откачки уравнялась, и начали сбываться пророчества – лодку начало медленно относить по направлению к берегу. От неминуемой встречи с хозяином судна нас спас глубокий овраг, наполненный водой, который почти перпендикулярно врезался в речку и год от года все дальше уходил в сторону поселка. Как вы уже поняли, лодка причалила к берегу, к месту, куда обычно подплывали льдины. Чтобы сильное течение не унесло лодку, полную воды, нам пришлось изрядно повозиться, вытаскивая ее на берег. Теперь уже струи воды фонтанчиками хлынули изо всех

ее щелей. Однако времени на то, чтобы посмотреть на это красивое зрелище у нас не было. И мы дали ходу! Удивительно, что никто не раскрыл виновников похищения лодки, а может, поразмыслив немного, служитель свинарника счел более разумным не связывать свою судьбу с нашей, и, на мой взгляд, правильно сделал.

О товарищах

Этот рассказ был бы неполным, если бы я не поведал вам о своих товарищах, а также о наших увлечениях. Кроме того, с этого момента я решил изменить свой анонимный стиль написания и называть вещи и людей своими именами. Конечно, от этого стиль изложения будет безнадежно испорчен, мои друзья же найдут такие перемены к лучшему. Ведь теперь без всяких сомнений они увидят, что это они и есть, а не кто-то другой, как две капли воды на них похожий. Говорят, чтобы занять недоброжелателя или врага, ему нужно чаще говорить правду.

Единственное, что меня смущает, так это то, что по причине слабости моей памяти на имена и фамилии я что-нибудь перепутаю или приклею не те имена к моим героям. Этот грех они должны мне простить, поскольку он происходит не от дурных намерений, а как я уже неоднократно говорил об этом, а от времени. Что же касается нарушения стилиевой гармонии повести, то думаю, этот недостаток сразу же выплыл на поверхность, если бы данное произведение попало на глаза и под перекрестный огонь критиков. Но, как я вам уже говорил, автор не входит в число титулованных современных писателей, поэтому от критики, если даже она последует, ему не станет ни холодно, ни жарко.

Моими товарищами и приятелями были сверстники самых разных народов и национальностей. Говорю я о национальности именно потому, что для нас, юных жителей этой республики, ее и не существовало вовсе.

Жилище одной из казахских семей находилось неподалеку от моего дома, и я был у них довольно частым гостем. Работа отца моего приятеля (назову его Ишимбай) была связана с лошадьми, и к вечеру он поручал нам их отводить на конюшню. Рядом с конюшной стоял дом, где жила симпатичная девчонка Нина. Мой друг из семьи поляков, с которым подружился позже и я, был тоже к ней равнодушен. По-моему, была она из немецкой семьи, хотя носила почему-то украинскую фамилию – Бондаренко. Эта девчонка неизменно оказывала нам предпочтение перед остальной «мужской» частью населения, что до известной степени вносило смуту в наши отношения с ними. Мы трое служили неизменным предметом шуток со стороны двух старших сестер моего друга. Довольно часто они интересовались днем и часом дуэли и видом оружия, которым мы собираемся разрешить возникшие сложности и противоречия.

Однако во время описываемых событий друга у меня еще не было, а был Ишимбай – мой сосед и товарищ, с которым я разделял любовь к лошадям и прогулкам на них. Но вернемся к ненадолго оставленным нами лошадям. Сбросив с них тяжелую рабочую сбрую и надев легкие уздечки, мы покидали двор. Выбравшись на свободу, мы прищпоривали наших лошадок, и они, сразу сообразив, что от них ожидают, мчались к дальним северным сопкам. Для тех, кто галопом во весь опор, прилипнув к лошади, мчался по степному ковблю знакомо это чувство – казахской байги, передать же его словами, я не в состоянии. Тех же, кто не испытал этого, нам остается только пожалеть и посочувствовать им.

Попутюжив степь, и изрядно утомив наших лошадей, мы с приятелем направлялись к Ишиму на водопой, где не могли отказать себе в удовольствии поплавать вместе с ними и на них. Удивительное ощущение возникает, когда, погружаясь все глубже и глубже в реку, ты чувствуешь, что вдруг лошадь потеряла под собой твердую опору берега и пустилась в плавь. Сделав круг по воде, мы выбирались на берег и предоставляли нашим любимым лошадам свободу выбора дальнейшей программы, и они, долго не раздумывая, устремлялись к конюшне, где в стойле им уже был приготовлен ужин – ароматное сено и овес. Мчались они туда, закусив удила, выбирая наиболее короткий путь, не обращая внимания ни на узду, ни на всадников, пытавшихся изо всех сил их удерживать. Но куда там!

Для нас же наиболее сложным испытанием был участок въезда в конюшню, высота проема которого никак не была рассчитана на лошадь с сидящим на ней всадником. Первый раз, въезжая в этот проем, я наивно полагал, что хоть перед въездом смогу притормозить лошадь. Но манеры хорошего поведения ей, видимо, были не знакомы, и она на полном скаку врывалась в дверной проем конюшни. Первый такой въезд для меня едва не стал последним. Когда до двери оставалось несколько шагов, я, уцепившись за шею лошади, соскользнул на ее бок, что меня и спасло от неминуемого удара о проем. К слову сказать, конюшня эта находилась едва ли не под одной крышей дома, где обитала хорошенькая девочка Нина, на которую я хоть издалека уже начал поглядывать. А еще мне очень хотелось, чтобы и она в свою очередь заинтересовалась незнакомцем и лихим наездником. Позже я хорошо освоил прием въезда в дверь конюшни и ни разу не допустил промаха. Помнится, выходя из конюшни, я бросал взгляд в сторону окна, где могла бы находиться эта девчонка, осматривал место въезда, где по всем законам должен был бы недвижимо валяться автор этого творения. Но, как говорится, кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

После возвращения в дом приятеля, мы докладывали старшим по званию о проделанной работе, и нас усаживали за низенький столик, возле которого уже разместились вся семья. Теперь уже и нас ожидал ужин с деликатесами в виде казахского бешбармака и ароматного бульона. Не прошло и полгода, как я уже на слух ориентировался в казахском языке. Дома у Ишимбая говорили исключительно на родном языке. Как-то отец моего школьного товарища попросил его перевести мне, о чем они там с семьей увлеченно беседуют. На что мой товарищ ответил ему, что, мол, он и так всё понимает без перевода. И это была правда. Где ты, мой бесконечно далекий друг Ишимбай? Прости! Время выветрило из памяти твое имя, но наши прогулки по степи и купание лошадей в Ишиме свежи в памяти, словно всё это было только вчера.

Был у меня еще один отличный и надежный товарищ – Витя Георге, из семьи немцев, сосланных в нашу «Ишимскую» республику. Он был года на полтора старше и сильнее меня, как и большинства моих сверстников, поэтому считался нашим признанным лидером. Хотя к завоеванию авторитета он не прикладывал ни малейших усилий, чем мне и нравился. Витя был в хорошем смысле «помешан» на спорте. Благодаря ему, жизнь нашей ребятни стала похожа на жизнь римских спартанцев. Из тракторных катков и трубы он смастерил штангу, и мы все в свободное время, а его у нас было более чем достаточно, осваивали всякие там жимы, толчки и рывки. Через год или два, каждый из нас сравнительно легко мог поднять свой вес, а кто и больше.

Позже он где-то раздобыл учебник с описанием футбольных правил и тактики этой игры, заставил нас выучить их назубок, после чего мы, все его верноподданные, перековались в футболистов. Обзавелись мячом и формой, сами сделали футбольное поле с настоящими воротами, а постоянные игры подготовили из нас, если не профессионалов, то вполне сносных игроков, которым было доверено отстаивать честь не только своего селения, но и школы соседнего поселка.

Купание и ловля рыбы в Ишиме, набеги на бахчу, штанга, футбол летом, а лыжи зимой, сделали свое дело – мы были выносливы, как мулы. На удивление, и откуда у нас на всё хватало времени и силы, кроме всех перечисленных выше занятий, мы участвовали в распашке степи, посевах и сборе урожая, покосах сена. Сначала вместе с взрослыми, а потом и сами. В последующие непростые годы учебы и работы все это позволяло собирать волю в кулак и выдерживать нагрузки, которые сейчас представляются нереальными. Во многом это заслуга моего товарища и нашего домашнего тренера – Вити Георге, а также школы трудового воспитания, принятой нашими педагогами на вооружение. Витя впоследствии стал учителем математики. Сейчас наш тренер и учитель уравнений обосновался где-то под Берлином. Я очень люблю читать в интернете поздравления и отзывы его учеников, из которых следует, что он и все последу-

ющее время оставался образцом хорошего учителя-товарища для своих воспитанников. И я горжусь тем, что был близким товарищем этого замечательного человека. Впоследствии из нас получились педагоги, врачи, юристы, ученые и просто хорошие люди, а ведь это, пожалуй, и есть самое главное. Конечно, во многом всему этому мы были обязаны нашим учителям.

Между тем я далек от идеализации взаимоотношений между педагогами и нами. Были между ними персонажи, фанатично преданные каким-то своим представлениям об идеальных школярах. Вот эти «непримиримые», не жалея сил и времени, пытались вылепить из нас, по их разумению, единственно правильный образ человека. К этому типу учителей относился завуч нашей школы. У него была молоденькая, только что окончившая институт жена, в которую я и, как потом оказалось, не только я, был тайно влюблен.

В селение изредка прибывала передвижная киноустановка, которая перед началом демонстрации фильмов посредством киножурналов знакомила наших односельчан с последними достижениями страны. Обычно начало показа выбиралось ближе к полуночи, когда труженики возвращались с полей по домам и, наскоро перекусив, отправлялись в клуб. Понятия о детских сеансах в те времена не существовало вовсе. Поселковый клуб представлял собой глиняный параллелепипед достаточно внушительных размеров с несколькими высокорасположенными окнами и, конечно, входом. Внутри находилась просторная деревянная сцена и скамейки для зрителей.

Понятное дело, что и нам хотелось познакомиться с новостями страны и посмотреть доставленный к нам фильм. Ассортимент фильмов в прокате был не велик. Мне кажется, что их по кругу возили по соседним поселкам, и бобины с пленками со строгой периодичностью возвращались к нам снова и снова. Таких фильмов было всего два или три. Я запомнил известный всем фильм «Чапаев» и особо любимые мной – «По ту сторону» и «Человек амфибия». Знали эти фильмы мы наизусть, и поэтому сопереживали нашим героям даже с большим энтузиазмом.

Было много способов просочиться в зал, а когда наш школьный завуч отлавливал и выдворял оттуда, мы придумывали новые. Что вызывает мое полное недоумение и поныне, так это поведение нашего завуча. Вместо того, чтобы вечером, взявши под руку свою красавицу жену, пройтись с ней по единственной центральной улице и, обнявши за талию, просмот- реть в зале нашего клуба увлекательный фильм; или, в атмосфере любви и взаимопонимания провести несравненный вечер в ее обществе дома – он отправлялся на борьбу с вверенными ему чумазыми воспитанниками.

Какое-то время мы пользовались приемом, который из-за яркости впечатлений крепко врезался в мою память, и об этом мне хочется вам рассказать. Задолго до начала фильма мы с помощью подручных средств добирались до высокорасположенного окна, вытаскивали из него стекло и влезали в помещение клуба. В то время мы обнаружили, что под обширной деревянной сценой легко мог расположиться солидный по численности отряд, а не только кучка сорванцов. Пространство под сценой было завалено разным хламом: вышедшими из обихода предметами, сломанными стульями, книгами – и все это было покрыто вековой пылью. Особенно много там находилось керосиновых ламп, как пустых, так и частично наполненных горючим, оставшихся еще с тех времен, когда наша республика не знала электричества.

Разбившись на маленькие группы, мы, каждый в своем углу, зажигали лампы, и первым делом, по всем правилам военного искусства, окапывались на случай внезапного нападения противника. Попытки выкурить нас из-под сцены предпринимались неоднократно. Однако всякого, кто пытался проникнуть под сцену, встречал шквал огня из предметов, в изобилии валявшихся у нас под руками. Когда наступало затишье, мы принимались за раскопки. Помимо хлама, о котором я уже сказал, под сценой были реальные сокровища! В то время мы все увлекались коллекционированием этикеток от спичечных коробков, а этого добра там за многие

годы собралось выше крыши. Я уверен, нашим коллекциям этикеток не было равных в сопредельных поселках.

Раскопки под сценой продолжались до тех пор, пока не заканчивался последний киножурнал. К этому моменту запоздалые любители кино собирались в глиняной коробке, шум голосов стихал, и мы, по одному, тайно покидали свое убежище. Свободных мест в зале обычно не было, поэтому мы располагались прямо на сцене, лежа на полу, подложив руки под голову, в непосредственной близости от экрана. До известной степени это неудобство компенсировалось тем, что мы как бы всегда находились в эпицентре разворачивающихся на экране событий. Со стороны зала эта картина очень сильно напоминала лежбище котиков, которую позже, при путешествии на Камчатку и Чукотку, а также в век телевидения, я видел в передачах о дикой природе островов северных морей.

Если не случалось ничего непредвиденного, нас оставляли в покое. Если же нас выдворяли, мы снаружи устраивали небольшой фейерверк, набросив кусок проводника на подходящие к клубу электропровода. В вынужденном перерыве зрители в кромешной темноте на ощупь выходили из зала глотнуть свежего воздуха и возвращались обратно, с ними также и мы пробирались в зал, а после восстановления электричества досматривали прерванный фильм.

Увлечения

Было это, по-моему, в начале пятого класса. Я, как и вся наша шантрапа, увлекся изготовлением оружия. Мне кажется, что все мальчишки в это время проходят этот общеобразовательный университет. Каждый образец пугача я, обычно после основательных проверок, приносил в школу. Мне нравился визг наших девчонок, когда, подобравшись поближе, пальнешь из пугача как следует, хотя, как мне кажется, делали они это не от испуга, а чтобы показать, что наше повышенное к ним внимание достигло своей цели. Сначала пугачи у меня просто отнимали и выбрасывали, не предпринимая никаких действий. Я сильно не огорчился этим, так как делал их очень быстро, быстрее, чем их успевали у меня отнимать, а иногда на этот случай предусматривал запасной экземпляр.

Кому-то из учителей взбрела весьма блестящая идея сделать школьную коллекцию или музей, так сказать, экспонатов оружия наиболее изобретательного автора школы. Жаль, конечно, что первые экземпляры оружия были безнадежно утеряны. Интересно, сохранилась эта экспозиция до настоящих времен? Я представляю себе, как кто-нибудь из учителей проводит экскурсию для новобранцев – школяров, направляясь в учительскую, где под стеклом и соответствующими надписями бережно хранятся сохранившиеся экземпляры. «А это, – с гордостью говорит учительница или завуч, а может быть и сам директор, – так сказать, эпоха раннего технического примитивизма: первые достижения известного впоследствии ученого и изобретателя, который был учеником и воспитанником нашей школы». И так далее, и так далее... Но обратимся, братцы, к «оружию».

В один будничнейший день я занимался испытанием мощного и необыкновенно большого по размеру пугача, конечно, со всеми предосторожностями, подозревая, что это может повлечь за собой не очень приятные для моего здоровья последствия. Нужно сказать, что с детских времен у меня была развита интуиция к возможному поведению неживых организмов, ну там всяких машин, механизмов и устройств. Не будь этого, думается мне, не читать бы вам эти строки.

События разворачивались недалеко от нашей школы, где на пустыре между домами моих закадычных товарищей Валерки Кулагина и Виктора Георге поселковые власти заложили странное сооружение никому неведомого назначения. Это строение в эстетическом отношении резко контрастировало с окружающим миром. Оно было выложено из каменного черно-коричневого плитняка, какие в изобилии находились на «Каменной сопке», а также встречаются в конструкциях домов у горских народов. Однако в нашем поселке это строение скорее напоминало застенки. Я грешным делом временами подумывал: «Не для меня ли его готовят?»

Выделенных на строительство средств, как это часто водится, не хватило даже на возведение стен. Насколько я помню, попыток продолжить эту стройку до моего отъезда из поселка не предпринимал никто. Как утверждает мой друг математик, оптимальное решение задачи на поиск оптимума достигается тогда, когда заканчиваются средства, выделенные на его поиск. Он утверждает, что проверял это утверждение на практике в студенческих отрядах. И нам придется поверить ему на слово.

Спустя 50 лет, я потратил немало времени, обследуя спутниковое изображение селения, но ничего похожего на тот памятник каменного зодчества не обнаружил. Для нас же это недостроенное сооружение являлось местом, где мы, разбившись на враждебные отряды, вели непрерывающиеся игры в войну.

В тот злополучный день из разных углов этого строения раздавался шум выстрелов, призывные крики наступающих и вопли поверженных отступающих. Мимо этого места случайно проходил некий служащий из поселкового радиоузла по имени (или кличке) Белан. Происходящее, вероятно, оживило картину его давних воспоминаний. В детстве при подобных обстоя-

яательствах ему вышибло правый глаз. Этот приобретенный жизненный опыт так врезался ему в память, что при всяком удобном случае он люто преследовал, можно так сказать, всех своих почитателей и последователей.

Хотя на тот момент я и не участвовал в развернувшихся военных действиях, а мирно спрятавшись за кучу камней, безуспешно пытался привести в действие адское устройство, все равно был обнаружен зорким одноглазым. Я схватил свое творение и дал ходу, демонстрируя при этом хорошую общефизическую подготовку, реакцию и быстроту ног. Огибая это «чертово» строение, мне пришла в голову, в общем-то, правильная мысль, как можно незаметнее выбросить в кучу камней компрометирующий предмет, а потом сдать преследователю. Как говорят в известных кругах: «Нет объекта, нет и преступления!»

Пробегая мимо очередной кучи камней, полагая, что с одним глазом преследователь не уследит за полетом брошенного пугача, я зашвырнул его в камни. Но одноглазый, все таки заметил. Отбежав на некоторое расстояние, я оглянулся и обнаружил, что погони нет, а мой преследователь тщательно обследует груды наваленных камней. Не считаясь с трудностями, он все-таки отыскал интересовавший его предмет, и, думая, что свою часть борьбы с подрастающими террористами он выполнил, снес его в школу.

В нашем селении с небольшой численностью населения установить личность преступника не представляло больших затруднений. Выбор после непродолжительного расследования пал на меня. В отличие от многочисленных подобных случаев, когда нашему герою присваивали чужую славу, на этот раз ошибки не произошло.

Естественно, и этот уникальный экземпляр оружия хранители музея пожелали приобрести к собранной ранее коллекции. Однако что-то помешало размещению его на заслуженное место, где красовались выстроенные по размеру предыдущие образцы. Полагаю, что нашему молодому учителю немецкого языка и физкультуры Эдгару то ли захотелось покрасоваться перед молодыми учительницами, то ли использовать пугач по прямому назначению и пугнуть полную Анну Андреевну, жену директора школы.

Анне Андреевне, случайно оказавшейся в учительской комнате, было предложено сделать имитацию пробного выстрела. Следует сказать, что Анна Андреевна как нельзя более подходила для таких опытов. Она была необычайно полна и, когда располагалась за учительским столом, едва-едва умещалась на одном стуле. Анна Андреевна взяла в руки пугач, покрутила его и, заявив, что ее что-то тревожит в этом деле, вернула его обратно Эдгару Густавовичу.

Здесь мне страшно вообразить, что могло произойти, если бы адская машина рванула у нее в руках. Но, как говорится, история не имеет сослагательного наклонения. Эдгар пытался убедить ее, что все совершенно безопасно, что устройство уже разряжено и представляет собой опасность не более чем кусок железки. И вот с этими словами, демонстрируя сказанное, он нажал взведенный курок. О происходящем в последующий за взрывом период времени история, в смысле написанного, умалчивает. Вместе с тем происшествие в учительской обросло множеством слухов. Некоторые из них утверждали, что Анна Андреевна упала со стула, а другие дополняли, что, кроме того, она еще и потеряла сознание. А некоторые из сбежавшегося на шум взрыва педагогического состава посчитали, что началась война, связанная с Карибским кризисом. Как раз в то время Фидель Кастро основал независимую и свободную республику Кубу, что едва не привело весь мир к ядерному конфликту. Я помню, как мы, выезжая в другой поселок всем автобусом, во все горло пели гимн этой республики. Я даже сейчас помню его слова:

«За правду сражается наш народ,
Мы знаем, в бою нас победа ждет»...

Скажите, и кому не понравится такой свободолюбивый народ? Я же мечтал при случае посетить «эту самую Кубу», а может даже в случае необходимости, предложить ее симпатичным жителям свою помощь. Хотя с трудом представлял себе, где она находится – эта Куба, но точно знал, что окружающие ее моря кишат пиратами, а теперь еще и вражескими кораблями.

Однако помимо Анны Андреевны жертвой неудачного испытания неизвестного доселе оружия стал учитель немецкого Эдгар Густавович. У меня есть все основания полагать, что чертову машину разворотило у него в руке на составные части. Прошел и быстро распространился по поселку также слух о том, что Эдгару оторвало или почти оторвало руку. Эти слухи быстро дошли и до меня. На следующее утро ни жив, ни мертв, иду в школу, бормоча молитву Господу Богу с просьбой защитить свое неразумное создание и, умоляя его, чтобы дело ограничилось любой даже самой грандиозной поркой. И поверьте на слово, Господь услышал!

Спустя многие годы, когда я, будучи уже студентом весьма престижного по тем временам учебного заведения, гостил у своего отца, бывшего участника блокадного Ленинграда, человека с хорошо развитым чувством юмора, рассказал ему этот не выдуманный случай. Тот, с самым серьезным видом ответил, что, дескать, никакой тут моей вины нет, а вот со стороны учителя, который, как ему кажется, представляется разумным и образованным человеком, было верхом неосмотрительности использовать доселе неизвестное миру оружие. С его доводами, в которых чувствовалась зрелость обстрелянного военного и бывалого человека, я охотно согласился.

На следующий день наш класс встретил учителя немецкого языка гробовой тишиной. Мне показалось, что выглядел он немного бледнее обычного, с согнутой в локте забинтованной рукой, привязанной к шее, ну почти как у раненых военных после боя. Урок он начал, как обычно, со спряжения каких-то своих глаголов. Однако никаких нравоучений, воспитательных речей от учителя не последовало. Его поведение можно было расценивать так, что во всем происшедшем решительно нет ничего особенного или даже, что это событие является настолько обыденным и повседневным, что и выеденного яйца не стоит.

Порка от мамы была адекватная. Бедная моя матушка! Как ей было со мной нелегко, это я понимаю только сейчас! Но она была мудрой женщиной и интуитивно пользовалась древней как мир заповедью: «Жалеющий отрока своего, причиняет ему огромный вред!» Несмотря на непрерывные порки, начиная примерно лет с пяти, а может и раньше, мне кажется, что пороли меня значительно меньше, чем я того заслуживал. Не уверен, прибавляло ли это мне ума, но закалку я получил основательную – на всю оставшуюся жизнь.

В то время последовали предложения исключить меня из стройных рядов школьников, однако я уверен, что они поступили не от нашего учителя немецкого языка. Не скрою, Эдгар Густавович мне очень нравился, хотя я и недолюбливал немецкий язык, как языки вообще, не исключая и русский. После этого происшествия я начал понемногу перековываться и свою созидательную энергию пытался направить в другое русло.

Помнится, меня тогда увлекли две идеи. Одна из них – поднять в воздух «Нашу сопку», не потому, что эта красивая сопка мне или кому-нибудь и чем-нибудь помешала, скорее наоборот. Думаю, эта кощунственная идея возникла из-за желания произвести яркое впечатление на взрослую и юную часть нашего населения и посмотреть на произведенный этим эффект. Я представлял себе, как на рассвете житель нашего селения, выйдя во двор, неторопливо обводит сонным взглядом привычный и неизменный десятилетиями окружающий пейзаж и вдруг ощущает чувство внутреннего дискомфорта и неясного беспокойства. Он протирает глаза и, уже почти проснувшись, напряженно вглядывается в ту сторону, где обычно его взгляду открывался покатым склоном стоящей невдалеке сопки. Но ни склона, ни сопки в привычном направлении и месте нет!

С одичалым криком он бросится в дом поднимать всех своих домочадцев, те, видя такое, тоже поднимут крик. Соберется кучка смельчаков, которые попытаются подобраться поближе и разобраться, что к чему. Потом заглянут в огромную яму, куда бесшумно отламываются и уходят куски «Каменной сопки». А тем временем яма все увеличивается в поперечном размере, достигает берега нашего Ишима, и из него потоки воды тоже устремляются в эту бездну. Казахи в панике вскочат на своих лошадях и помчатся в открытую степь, только там они себя чувствуют комфортно и безопасно. Скакать же они будут так, как будто их преследует сам черт, по их – шайтан, кажется. Немцы, бормоча молитвы, бухнутся на колени перед иконами. Братья-славяне доберутся до горячительных напитков из складских помещений нашего единственного поселкового магазина. А далее начнется такое, что конечно вообразить можно, но у меня уже пропадало всякое желание. Понимая, насколько непростым и ответственным может оказаться подобное предприятие, я решил отложить его до более подходящих времен, пока для меня не прояснятся возможные связанные с ним последствия и результаты.

Такая возможность действительно представилась, когда я обзавелся другом. Я, конечно, поделился с ним своими замыслами, и в целом он их поддержал. Более того, он сказал, что как-то он читал рассказ, где для подобных целей на пяти грузовиках пытались доставить к месту взрывчатку – взрывчаткой был нитроглицерин, которую изготовить даже в домашних условиях – было просто плюнуть. Для этого нужно перемешать азотную кислоту и глицерин в равных пропорциях, и все. Средство готово! Но, как следовало из прочитанного рассказа, эта смесь очень чувствительна к детонациям. Во всяком случае, ни один из грузовиков, несмотря на принятые предосторожности, до цели не добрался бы, – все взорвалось по дороге.

Сложность была в одном, где раздобыть несколько грузовиков с азотной кислотой и глицерином? Толька подобрал ключи к школьным шкафам с химическими реактивами и реагентами, где хоть и обнаружили необходимые составляющие, но в крайне незначительном количестве. Наша сопка осталась стоять на своем прежнем месте, более того, позже, находясь далеко от тех мест, я непрестанно проявлял обеспокоенность ее состоянием.

Найденных в школе реагентов хватило бы лишь на то, чтобы эффектно поднять на воздух наш школьный деревянный туалет, который хоть и принадлежал школе, но стоял почему-то вблизи дома Вити Георге. Этот туалет доставлял мне много хлопот, по той простой причине, что на его деревянных стенах и дверях пробовали свое мастерство будущие писатели и поэты. Пробовать-то они пробовали, а лавровые венки от их творчества часто доставались мне. Вспомните, что я очень рано отказался от публичной писательской карьеры, а стихи мне не удавались ни в то время, ни позднее. За всю жизнь я и написал всего-то один или два стиха, в несколько строк, в попытке подражания моему любимому поэту востока Омару Хайяму.

Так вот, однажды на дверях деревянного туалета появилось свежее произведение неизвестного автора. Утром весь педагогический состав и мы, школяры, ознакомились с его содержанием, изобличающим характер и нравы отдельных педагогических работников школы. В целом содержание произведения нами школярами было одобрено.

Не прошло и часа, как следственный комитет, возглавляемый тем же завучем, приступил к работе, и меня позвали в учительскую. На этот раз завуч Радзицкий встретил меня необычно интеллигентно и вежливо – предложил присесть к столу, а затем положил передо мной лист чистой бумаги и карандаш и попросил написать под его диктовку какие-то слова. Я задумался ненадолго и потом поинтересовался у него:

– «А какими буквами писать, строчными или прописными?». «Пиши... прописными», – слегка заикаясь любезно разрешил Радзицкий.

Я старательно водил карандашом по бумаге, пытаюсь каллиграфическим почерком записать какие-то бессмысленные предложения. Наконец завуч взял исписанный мною лист, долго сличал написанные фразы моей рукой со своими записями, а затем отпустил меня с недовольным видом. Лишь по дороге в класс до меня дошел смысл происходящего. По-видимому, крип-

тографический эксперимент, проведенный надо мной, и являлся средством, с помощью которого по сходству ошибок или написанию букв должна быть установлена личность неизвестного миру поэта. Да, в изобретательности нашему завучу не откажешь, хотя своему развитию он, преимущественно, был обязан нам.

Весьма вероятно, неизвестным автором того произведения был наш начинающий поэт Виталик Штемпель, однако история об этом умалчивает, это только мои домыслы и предположения. На всякий случай, если повесть попадет к нему в руки, пусть он знает, автор этих строк не присваивал себе заслуженной славы поэта, равно как и не делился своими соображениями по поводу личности вероятного поэта с завучем. Деревянный школьный туалет мы тоже решили оставить в покое. Дому Вити Георге сам взрыв, пожалуй, и не угрожал, но взрывной волной могло загрязнить территорию дома, где мы тренировались в подъеме штанги.

Несмотря на то, что независимо от моего желания и намерений, наш завуч получился персонажем скорее отрицательным, чем положительным, думаю, что человек он был все же неплохой или имел хорошие качества, о которых мы не подозревали. Не зря же Вера Станиславовна согласилась стать его спутником по жизни. А она, по моему разумению, могла определять скрытые качества человека, даже в зародыше.

Да, чуть не забыл, недавно, прогуливаясь по всемирной сети, в поисках свежей музыки, я наткнулся на любопытнейшую картинку неизвестного художника. Картинка была вмонтирована в видеоролик шестой симфонии Дворжака в качестве видеозаставки. Как композитор с его симфонией, так и картинка мне были неизвестны, так как до сих пор я еще не стал почитателем его музыки. На этой картинке, за исключением незначительных деталей, каких-то построек на верху оставшихся фрагментов сопки, там, где из нее торчал кусок скалы «Нашей сопки», приведено изображение панорамы, открывающейся на реку, и котлован. По форме котлован скорее напоминал яму в земле, сделанную каким-нибудь метеоритом, или котлован в земле, когда в ней обнаруживают кимберлитовые алмазные трубки при разработке рудника, но никак не взрывом.

Этот вид настолько соответствовал тому, что мне являлось в кошмарных сновидениях последних лет, что я, хотя и допускаю возможность чтения мыслей на расстоянии между близкими людьми, однако возможность приема моего сна абсолютно неизвестным художником, исключаю совершенно. Тут уже сами знаете, чем все это пахнет. Может кому-нибудь удастся объяснить такое совпадение? Этот рисунок из сновидения мне хочется вынести на обложку повести, так как именно он являлся причиной посещающих меня в последнее время кошмарных видений.

Вторая сумасбродная идея долго варилась у меня в голове, пока мне не удалось сформулировать ее четко и ясно. Состояла она в построении вечного двигателя. Этому занятию безрезультатно отдали свои годы многие и лучшие представители человеческой расы, пытаюсь облегчить и улучшить жизнь своим потомкам. Однако в те молодые годы мысль моя еще не была отягощена такими благородными намерениями.

Если быть точным, то это был не совсем двигатель, а некоторое устройство, которое из окружающего пространства берет энергию, начинает двигаться и, при этом, его энергия движения непрерывно увеличивается. Вкратце и на примере поясню принципы, на которых должно было быть реализовано это изобретение века. Представьте себе ветряной пропеллер, установленный на платформе с колесами. Вращение от пропеллера через систему передач передается колесам платформы таким образом, что платформа с пропеллером может двигаться только по направлению навстречу потоку ветра. И вот теперь самое главное! Как только платформа приходит в движение, встречная скорость ветра усиливается, это увеличивает скорость и энергию движения платформы и так далее!!!

Воодушевленный перспективами, открывающимися перед моим изобретением, я незамедлительно приступил к его материализации. На окраине поселка располагалась ремонт-

ная мастерская сельскохозяйственной техники, куда я и направился для поиска необходимых составляющих. Мастерская была окружена множеством пришедших в негодность тракторов, комбайнов и косилок, издаലെка по виду напоминавших поверженных динозавров, совсем не вписывающихся в степной пейзаж. Там мне без труда удалось отвинтить тракторный вентилятор охлаждения, кучу шестеренок и ряд других крайне необходимых элементов. Работа закипела! Через сравнительно короткое время готовый механизм был готов к испытаниям и спущен на колеса.

Дождавшись ветерка, я выволок странное по внешнему виду сооружение из мастерской во двор, сориентировал пропеллер против ветра и. Аппарат не подавал никаких признаков жизни и стоял, будто вросший в землю. Масса времени ушло на его переделку и усовершенствование, но все без видимых результатов. В конце концов, я пришел к заключению, что уровень технологических возможностей моей домашней мастерской не соответствует уровню и масштабу решаемой задачи, и решил дождаться более благоприятных времен. Кроме того, близилась зима – время, более подходящее для катания на лыжах с сопок.

А между прочим, когда, повзрослев, мне хотелось подурчиться над эрудированными людьми с признаками всезнайства, я неизменно вытаскивал за шиворот эту задачу на свет и предлагал опровергнуть возможность создания такого аппарата, и мне ни разу не пришлось услышать чего-нибудь вразумительного по существу. Эта задача не давала мне покоя, еще много лет после неудачных опытов практической материализации устройства, и даже после моего основательного знакомства с курсом аэродинамики. В один прекрасный день я проснулся с осознанием известного всем факта, что старинные парусники могли зигзагами двигаться против ветра, при правильной ориентации паруса. Этот факт давал ключ к разгадке причины моих неудачных опытов по созданию «вечного» двигателя. Для успеха его построения не хватало небольшой детали, а именно пропеллера с регулируемым углом атаки лопастей, что точно превосходило технологические возможности моей домашней мастерской. Что же касается беспредельного увеличения скорости подобного устройства, то юному изобретателю было невдомек, что сопротивление воздуха нелинейно возрастает с увеличением скорости. И мы, понимая это, сделаем поправку на весьма юный возраст изобретателя и простим ему подобное заблуждение.

Друзья

Кому из нас не хотелось иметь настоящего друга? Думаю – многим. Но удача выпадает не каждому. Правда, сегодня, в век коммуникаций, мне доводилось в социальных сетях встречать счастливых, у которых численность друзей доходит до тысячи, а то и более. Я, к слову сказать, как-то с трудом могу себе вообразить возможность постоянного общения с каждым членом из такой обширной аудитории. Даже поздороваться с каждым – и то времени на всех не хватит. Совсем другое дело – собрать их разом на конференцию в лекционном зале или за банкетным столом – вот тогда и можно установить полный контакт со всеми, с минимальными затратами времени и труда.

Для меня же ближе точка зрения, что друзей не может быть много, более того, друг может быть всего один. В этом и состоит вся сложность. Как только друзей становится больше двух, часть из них можно смело переносить в графу: товарищи, соседи или приятели, а это непросто. Как это ни печально, время и здесь ведет свою разрушительную работу. Узы, связывающие даже друзей, ослабевают, теряется общность целей, и друзья потихоньку перемещаются из одних списков в другие, а то случается и в списки недругов или неприятелей. И это очень печально!

Одиночество – самая грустная штука на свете. Конечно, с тех пор как я осознал себя как личность, у меня были друзья, с которыми я делил свое одиночество. Это были книги, а потом их дополнила музыка. Даже в нелегкие периоды жизни они служили надежным убежищем, среди них было много таких, которые, как мне казалось, написал я сам. Вообще, если вы хотели бы, чтобы у вас всю жизнь до последнего дня были друзья, которые вас не предадут, научат уму разуму, придадут вам веры в людей и завтрашний день, займитесь их поиском и выбором как можно раньше, лучше с раннего детства. Здесь, правда, как и с людьми, требуется время, много труда и терпения. Но ручаюсь, со временем вам все вернется с лихвой. Вот таких-то друзей у меня, без всякого преувеличения, тысячи. А в то время, о котором здесь ведется речь, жилось мне, несмотря на разные увлечения и чтение книг, все же достаточно одиноко. И, конечно, мне хотелось иметь настоящего друга. Однако время шло, а он не появлялся.

Нашему знакомству с моим будущим другом предшествовало назначение нового директора школы, который был направлен к нам из соседнего поселка. Величали этого без сомнения исключительного человека Болеслав Францевич Загурский. Он был в числе первых, кто обживал и обустроивал жизнь на берегах Ишима. Как-то, полушутя, полусерьезно, он заметил, обращаясь ко мне с вновь обретенным товарищем Толькой. – «Те, кто себя ныне гордо величают „целинниками“, таковыми, строго говоря, не являются». Настоящими «целинниками» были те, которых в предвоенное время вывезли на абсолютно пустынные заснеженные берега, которые и стали впоследствии основателями нашей «Ишимской» республики.

После появления у нас нового директора в школе, как по волшебству, появилась мастерская, оснащенная циркулярной пилой и даже токарным станком, что сразу изменило мое отношение к этому заведению. Новый директор параллельно вел уроки труда, которые нравились мне наравне с уроками физкультуры. Понемногу что-то переменялось и во взаимоотношениях школяров с учителями. Школа уже мне не казалась местом лишения свободы, а учителя – надзирателями. Учителя после случая с оружием оставили меня в покое, радуясь уже одному – отсутствию взрывов и стрельбы на переменах. А тем временем, независимо от темы урока, я доставал листок бумаги, чертил и перечерчивал конструкции вечного двигателя и других устройств, а после уроков остаток времени проводил в домашней мастерской, пытаюсь вдохнуть в них жизнь.

Где-то примерно в это время я и познакомился со своим будущим товарищем Толькой, младшим из отпрысков большого семейства Загурских. Точно не помню, при каких обстоя-

тельстввах это произошло. Буду у него, обязательно расспрошу. У него изрядная память, помнит все, даже то, что и не нужно помнить. Между тем я думаю, что произошло это примерно так. Мы учились в разных классах, поэтому поначалу присматривались друг к другу.

В отличие от меня, он был правильным учеником и отлично учился. Начальный участок пути из школы домой у нас совпадал, поэтому мы доходили до его дома, прощались, а я брел дальше.

Вероятно, интерес к некоторым темам у нас совпадал, а начального участка пути от школы к его дому нам не хватало, поэтому мы барражировали между нашими домами, пытаясь обсудить все назревшие вопросы. Так потихоньку мы сдружились и стали встречаться уже и после школы. Потом с ним мы проводили вместе почти все дни. Часто я оставался у них и на ночь, хотя до своего дома мне было всего сотни две метров, обсуждая при этом бесчисленные фантастические проекты, которые роились в наших головах, как пчелы. Часто вечерами мы не могли разойтись, провожая друг друга от дома к дому и обратно, решая, как нам казалось, проблемы, совершенно не терпящие проволочек и отлагательств.

Его отец вначале присматривался ко мне, и я думаю, дело здесь не обошлось без советников его школьного окружения, где я пользовался вполне заслуженной репутацией, что было, в общем, справедливо. Шло время, но так как никаких негативных действий и событий, связанных с моим участием, не происходило, в конце концов, присмотревшись внимательнее ко мне, он одобрил наши взаимоотношения. У моей матушки появились, наконец, свободные от вечерней порки часы, и по этой причине она заполнила их молитвами, воздавая всем святым за появление в наших краях семейства Загурских.

Но, как говорится, когда господь, утомившись от своих дневных трудов и забот, на минутку вздремнет, черт, который не смыкает глаз, не тратит времени понапрасну, пускается во все тяжкие, и в результате этого вмешательства между двумя друзьями возникла, мягко говоря, размолвка. А дело было так. Мне пришла в голову очередная идея, существа которой я уже не помню, да это и не важно. Уроки закончились, но будучи дежурным, мой друг остался мыть полы в классе. В это время мне срочно захотелось обсудить возникшие мысли с другом, и я, в грязных башмаках, размахивая бумажкой, на которой что-то было изображено, с одухотворенным лицом, направился прямо к нему по уже вымытым полам.

Как я уже говорил, Толя был правильным мальчиком и постарался выдворить меня из класса, а я все-таки был на год постарше и покрепче, поэтому более правым оказался я. Шваброй, находившейся поблизости, я, чтобы он не шевелился, прижал его к стене. После такого случая мы всю зиму избегали друг друга, выбирая разные дороги, хоть разминуться в нашем селении было сложно.

И я опять остался один, точнее сказать один со своими обычными приятелями. Тут правда снова вмешались силы добра, может быть и сам Бог, видя, что в тот момент, когда он находился в объятиях Морфея, с верноподданными случилась неприятность. Желая замаять недоразумение, знакомит меня с одним человеком, который может считаться моим настоящим учителем и крестным отцом по части радиотехники и электричества. Звали его Николай, и было ему в то время лет около тридцати или немногим более. Был он высокого роста, с темными глазами и располагающим к себе добродушным лицом, обросшим черной бородой, что придавало ему некоторое сходство с представителями цыганского племени. Познакомился я с ним благодаря своему однокласснику эстонцу по имени Вилли, который обитал в старой части «города» с матерью, тоже эстонкой, причем довольно сварливой.

Не знаю, какие ветры странствий или бури забросили этого человека в наше селение, но остановился он в доме у вдовы, матери моего приятеля, где я застал его за перематкой трансформатора от лампового приемника. Следует сказать, что электричество нашему селению обеспечивал дизельный генератор. Его включали только под вечер. Сильные бураны часто обрывали провода, вызывали короткие замыкания, и бывало так, что в одной части поселка

электрические лампочки взрывались от перенапряжения, тогда как в другой света от них было не более чем от свечи. Трансформаторы приемников тоже не выдерживали такого издевательского над собой и горели как спички, что и давало средства пропитания моему вновь обретенному знакомому.

Завороженный колдовскими действиями по намотке ровных рядочков проволоки на катушку, я забыл о Вили. Забыл я и о том, зачем собственно сюда я зашел. Так просидели мы с вновь обретенным товарищем до позднего вечера. На следующий день я появился у него снова и потом снова. Так продолжалось каждый вечер, но никто не выказывал никакого недовольства из-за моего присутствия. Ему тоже нравилось находиться со своим случайно обретенным почитателем. Иногда я помогал ему что-то поддержать и уже начинал чувствовать свою необходимость, и даже незаменимость. Вот так мы и подружились. Мне кажется, ему было тоже очень одиноко.

Ранее, освещая свою точку зрения о понятии дружба, я утверждал, что друзей не может быть много. Сказанное верно лишь отчасти. Лучше всего, если у человека есть несколько друзей, но разного возраста. Принято считать, что один друг должен быть значительно старше, чтобы учить и оберегать тебя. Другой должен быть моложе тебя, его учишь и оберегаешь ты, а третий – твой ровесник, с которым делишься всем ты, и вы оберегаете друг друга. Такое устройство жизни мне тоже нравится и даже представляется идеальным. Но если трудно найти одного друга, то, что и говорить об их большем количестве.

Вообще тема о друзьях и дружбе, на мой взгляд, необычайно важна и будет таковой, пока существует сама жизнь. Я убежден, что дружба и любовь человеку дается, как награда или божий дар, за вынесенные трудности или страдания. Мера эта никому кроме творца неведома, так что, размышляя над всем этим, поневоле отойдешь от атеизма и материализма, к которому нас приучали с детства. А еще для дружбы необходимо потратить много времени и труда, настолько это непростое дело. Возьмем, к примеру, мою матушку и меня. Сколько времени и сил ей пришлось затратить на меня! Зато потом у нее не было более верного друга и любимого сына, чем я. Дешевых друзей нет, даже в супермаркетах, но вы и сами хорошо это знаете.

Так долгими зимними вечерами, когда за окнами глиняных коробок завывал северный ветер, в доме Вили – мастерской по ремонту трансформаторов и радиоприемников – стояла уютная атмосфера дружеского взаимопонимания между мастером и его учеником. За этими увлечениями быстро промелькнула зима. За это время я многому научился, и не только практически. Откуда-то взялись книги с пожелтевшими листьями, где были описаны всякие вакуумные приборы с очень интересными названиями, особенности которых без всякой надобности и разбора я впитывал в себя как губка.

Я уже разобрался с внутренним устройством и принципом действия электронных ламп, таких симпатичных стеклянных баллончиков; знал назначение конденсаторов и резисторов. Учитель увлек меня в страну радиолюбительства, из которой нет возврата. Как-то он признался мне, что мечтает сам сделать радиоприемник. Он говорил: «Починить приемник – это одно дело, а вот сделать его – это совершенно другое!» И это была правда, в чем мне пришлось убедиться позже на своем опыте.

У него собралось несколько огромных чемоданов с деталями от старых радиоприемников, представляющимися для меня огромными сундуками с сокровищами. Когда мастер начал испытывать ко мне симпатию, то доверял найти в этих чемоданах нужную деталь, и я перебирал их одну за другой, любясь их цветом, формами и надписями. Вероятно, со стороны я был похож на кощея в юности, чахнувшего над безмерными сокровищами.

Я уже раньше говорил, что в наших местах была атмосфера таинственности, которая порождалась не только окружающими сопками. Далеко с запада, со стороны озера Тенгиз, часто взлетали ракеты, их взлет и дальнейшее движение хорошо были видны с нашего селения. Уходили они на восток и, скорее всего, падали в Тихий океан. Страна развивала ракетную

и ядерную технику, свидетельства об этом в буквальном смысле долетали до нас и падали нам на головы.

Иногда наши водители, возвращаясь из поездок по степи, привозили кучи исковерканного металла ступеней ракет с радиоэлектронными узлами, которые мы с воодушевлением разбирали до атомов на детали. Вот было радости, если во всем этом удавалось найти компактные серебряные аккумуляторы, которые легко раскаляли гвозди, если ими перемять выводы! Обычно, несколько дней спустя, после завоза нашими водителями «даров с неба», в наш поселок приезжали серьезные и сердитые люди, как будто мы сбрасывали им на головы эти железки; они ездили по дворам и собирали то, что оставалось после проявления нашего любопытства. А оставалось не очень много.

Однажды под вечер я, как обычно, зашел к своему старшему другу и нашел его очень печальным. Он поделился со мной ее причиной и сказал, что семейная ладья пошла ко дну и завтра на рассвете он с попутным ветром отбывает в дальнейшее путешествие по миру. Чемоданы с «сокровищами» он может доверить на хранение только мне, так как путь его не ясен, а чемоданы представляют собой довольно увесистые предметы. Затем, не мешкая ни минуты, он предложил перенести их на хранение ко мне домой.

Матушка моя, человек чуткий и наделенная природным чувством юмора, завидев нас, несущих огромные чемоданы, деликатно осведомилась, куда это мы собрались, на ночь глядя. Но потом быстро уловила существо дела, собрала на стол все, что необходимо в таких случаях, и мы втроем провели наш последний вечер. Прощаясь, мастер сказал, что если к зиме он не объявится, то содержимым чемоданов я могу располагать по своему усмотрению. Потом на минутку задумался, как бы что-то хотел добавить, но махнул рукой и скрылся в темноте ночи. Ком в горле не давал мне произнести даже двух, трех прощальных слов. Больше в нашем селении его никто не видел.

Я снова оказался в одиночестве. Где-то в это время случился многодневный буран, обрывавший электрические провода, и несколько дней мы не высывали нос на улицу. Долгими вечерами я проводил с зажженной керосиновой лампой, читая Майн Рида и книги про радио. К тому времени я выписал почтой прекрасный справочник радиолобителя, объемом более тысячи страниц, выпущенный издательством «Наукова Думка». За несколько лет чтения и практических упражнений эта книга дала мне в области радиотехники столько знаний, что в последующие годы я не испытывал затруднений с их недостатком. Их и сейчас хватает. Это позволило года через три мне реализовать мечту моего старшего друга – спроектировать и смастерить приемник с двойным преобразованием частоты и высокой избирательностью, что позволяло отстраиваться от «глушилок» и слушать «зарубежные голоса».

В тот зимний вечер заунывный вой ветра непроглядной снежной многодневной бури уже начинал навевать на меня тоску, казалось, все живое уже исчезло за стенами дома. А после чтения Майн Рида «Затерянные в океане» у меня тоже появилось ощущение, будто бы и я затерялся в бушующем снежном буране. И тут меня осенило, нужно собрать приемник! И таким образом может быть удастся узнать, как там поживает остальной мир?

Схема детекторного приемника у меня была, изготовить катушку и антенну ничего не стоило. Основная проблема в этом деле была связана с изготовлением детектирующего элемента. Свинец и сера нашлись легко. Также быстро были расплавлены и разбиты на кусочки. Приладив, как советовали в книге, к одному из кусочков иголку, я получил главный элемент детекторного приемника, полупроводниковый детекторный кристалл. Дальнейшее было не более чем делом ловкости рук. Схему пришлось скручивать, в результате на столе образовался ежик из катушек, проволочек и конденсаторов.

Восторгу моему не было предела, когда с замиранием сердца, поворачивая валик переменного конденсатора, услышал, как в наушниках сначала раздался шорох, а потом пробилась человеческий голос, сообщивший мне по секрету о том, что сейчас национальный оркестр

имени Курмангазы исполнит что-то из народной музыки. И точно, заиграла популярная мелодия на казахских домбрах, знакомая всем жителям нашей республики. Меня удивляла гениальность композитора, создавшего атмосферу и эмоциональное состояние наездника в лошадиных скачках по безбрежной степи. И это при помощи такого простого инструмента! Не зря видно говорят, что все гениальное, – просто.

Мы строим аэросани

Приближалась весна! В наших краях она всегда приходила ошеломляюще быстро. Солнце уже поднималось высоко и солнечных дней становилось заметно больше. В один из таких дней, возвращаясь домой из школы, у меня состоялось примирение с моим товарищем Анатолием. Со стороны это сильно смахивало на примирение влюбленных после какой-то случайной и нелепой размолвки. Мы опять провожали друг друга от дома к дому и не могли расстаться.

Уже не вспомню, как и у кого возникла идея построить самолет. Дело это тогда представлялось нам хоть и сложным, но вполне осуществимым. Мы представляли себе как, взлетев, мы сможем с высоты взглянуть на наши сопки, на Ишим, и, кружась над поселком, здороваться с нашими жителями, покачивая крыльями. С каким восхищением будут стоять, подняв голову к небу, и наблюдать за полетом юные жительницы нашего селения!

Покружив так немного, потом можно отправиться и полетать над степью в поисках деталей упавших ступеней ракет. Понятно, что полет нашей фантазии не был ограничен горизонтом. Мне хотелось не спеша пролететь над Ишимом и посмотреть, а что там творится дальше? Я говорил себе: «Если у нас здесь с горы так здорово, что дух захватывает, то что можно будет увидеть там, на краях Ойкумены!»

Кроме чтения справочника радиолобителя я был помешан на чтении Майн Рида, Стивенсона и некоторых других писателей. Толя свихнулся на Фениморе Купере и Конан Дойле с Шерлоком Холмсом. Так что, честно говоря, по образу и подобию мыслей мы были как два сапога пара.

Тем летом для борьбы с вредителями полей к нам прислали кукурузник, который разбрызгивал над полями ядохимикат под названием ДДТ. Чтобы приблизиться к авиации и самолетам, мы с другом записались добровольцами, которые с указателями в руках показывали пилотам кукурузника, в каком месте надлежит включить и отключить брызгавшее ядом устройство. Кукурузники, побрызгав поле, пролетали также над нами и обрабатывали ядом нас с головы до ног. За день работы мы пропитывались дустом так, что забрызганная и высохшая одежда стояла колом.

По-видимому, подобная «закалка» и обработка наших молодых и неокрепших организмов позволила впоследствии мне выжить, побывав в чреве взорвавшегося реактора блока Чернобыля. К слову сказать, наш общий товарищ и сосед из Камышинки, Погоржальский Ваня, с которым я познакомился позже, стал командиром вертолетного полка и почти в это же время сбрасывал с вертолета на блок и заодно мне на голову мешки с песком, пытаясь потушить этот злосчастный реактор.

Автор сознательно резко и неожиданно переместился в пространстве и во времени, чтобы разбудить задремавшего друга-читателя. В жанре воспоминаний считаю такой прием уместным, так как мысли у человека легко перебрасываются с одного предмета на другой, а не возникают в хронологическом порядке. Так вот, думаю, обработка химическими реактивами и ядами повышает устойчивость организма человека к воздействию на него и других неблагоприятных факторов, в том числе и радиоактивных.

И вот таким образом, при посредстве вредителей полей, нам с другом удалось вступить в контакт с посланцами неба, – пилотами кукурузников, а те в свою очередь показали нам кабину и позволили подержаться за штурвал самолета. Уточнив некоторые детали, мы с другом при необходимости могли бы поднять этот аппарат в воздух, правда, с посадкой могли возникнуть осложнения. Умение оживить любую попавшую мне в руки технику служило позже источником постоянных шуток моих друзей и знакомых. Иногда в чем-то помогало, а иногда откровенно мешало.

В студенческие годы мне пришлось работать с группой однокурсников в тех местах, где ныне находится город Нижнеилимск. Возвращаясь по тайге с компанией своих товарищей после купания в реке Илим (не путать с Ишимом), мы наткнулись на брошенную технику для транспортировки спиленного леса, на гусеничном ходу и с многочисленными лебедками; ее, кажется, называют трелевщиками. Это технику тогда я увидел впервые. У нас в степи такого не было. Многочисленные лебедки этой машины были размотаны, двигатель заглушен, а в ближайшей окрестности отсутствовали всякие следы пребывания человека, во всяком случае, наши крики остались без внимания.

Следуя своим естественным наклонностям и любознательности, мы забрались в кабину, где я охотно провел урок начинающего тракториста для моих товарищей, вооруженных в основном далекими от жизни теоретическими знаниями. Один из них высказал предположение, что прогулка по тайге на этой технике может оставить незабываемое впечатление на всю оставшуюся жизнь. В те времена стартеры на такой технике отсутствовали, а заводилась она, как правило, с помощью вспомогательного двигателя – «пускатча», что требовало специальных знаний и определенного искусства. Через непродолжительное время «пускатч» затарахтел, а еще через минуту, другую после моих манипуляций с пусковыми рычагами, выплевывая черные клубы дыма, был запущен основной двигатель. Раздались крики восхищения и восторга, перегруженного теоретическими знаниями студенческого народа. Верхом на трелевщике мы прибыли в лагерь, где к тому времени давали «праздничный» ужин. После ужина мои товарищи облепили пыхтевший трелевщик и уже без меня осваивали практические навыки езды по тайге. Ездили до тех пор, пока не закончилось топливо. Там трелевщик и был оставлен.

Я представляю себе удивление хозяина трелевщика, когда он возвратился на место, где им по неосмотрительности была оставлена тяжелая спецтехника, и не обнаружил там ничего, кроме следов. Чудеса на этом не закончились! Когда после долгих поисков трелевщик, наконец, был обнаружен в еще более дремучей части тайги, где и вовсе не было заметно признаков присутствия человека, говорили, что с водителем, который по этому случаю до бесчувствия накачался спиртом, случился удар.

Другой похожий на этот случай произошел, когда я со своим приятелем Сашкой по кличке «Студент», но уже другим летом отправились с группой геологов в поисках полезных ископаемых. Нашу небольшую группу вертолетом забросили в дремучую часть тайги Красноярского края, где мы должны были около месяца собирать пробы с различных камней. Нужно сказать, что наш Студент был заядлым рыболовом, и куда бы ни заносила его судьба, он неизменно прихватывал с собой удочку, червяков, а в отдельных случаях и огромные болотные сапоги.

Разбив на скорую руку стоянку, мы со Студентом решили проверить, как в краю непуганых зверей ловится рыба и отправились туда, где по описаниям геологов должна была находиться подходящая река. Уже почти покидая лагерь, мы были остановлены бывальными геологами, которые посоветовали взять с собой и ружьишко, так как в этих краях обитают медведи, хоть они и пытаются держаться на расстоянии от человека.

Наш путь пролегал по абсолютно нетронутой человеком тайге, и мы бесшумно шагали по толстому ковру из опавших с вековых деревьев иголок, как вдруг позади нас чуть в стороне раздался треск, словно кто-то наступил на сухую ветку. Мы остановились и прислушались. Стояла такая тишина, что был слышен писк потревоженных нами комаров. Постояв так некоторое время, мы опять тронулись в путь но, не успели пройти несколько сотен шагов, как треск от сломанной ветки повторился снова. На этот раз он донесся сбоку и чуть-чуть впереди нас. Мы опять сделали вынужденную остановку, предусмотрительно приведя оружие в боевую готовность, но опять с тем же результатом. Стоило нам замереть, кто-то невидимый тоже замерал. Если мы начинали движение, там, в глубинке тайги, тоже что-то начинало передвигаться,

иногда даже опережая нас. Так продолжалось еще несколько раз; и у нас возникло ощущение, что кто-то, оставаясь невидимым, не спускает с нас глаз.

Наконец мы добрались до реки, открытое пространство которой нас немного успокоило, и мы пошли вниз по течению поискать места для ловли. Болотные сапоги из-за ненадобности были брошены Студентом на берегу реки. Увлечшись рыбалкой, мы уже начали забывать о странной прогулке по тайге, а когда решили вернуться на стоянку и пришли к тому месту, где нами были оставлены болотные сапоги, оказалось, что их и след остыл.

Версию о том, что их мог подобрать какой-нибудь случайный прохожий, пришлось сразу же отбросить, так как в той местности болот практически нет, а такие внушительные по размеру и весу предметы ничего кроме обузы путешественнику не доставляли. Кроме того, до ближайшей стоянки человека, если не считать наших геологов, было не менее нескольких сотен километров. Против второй версии – о том, что эти на первый взгляд простые старые сапоги – сапоги-скороходы ушли сами по себе – решительно возражал их хозяин, который утверждал, что ничего такого за ними ранее не водилось, и ее тоже пришлось отбросить.

Консенсус между нами был достигнут лишь тогда, когда была выдвинута последняя версия, что сапоги унес преследовавший нас медведь. Но зачем медведю понадобились болотные сапоги? Никто из нас минимально вразумительную гипотезу предложить не смог. Эта загадка не давала нам покоя много десятков лет. Так, отправляясь в какую-нибудь многодневную поездку, и всякий раз, когда «чайная» церемония была в разгаре, Сашка в ролях исполнял тот забавный и загадочный таёжный эпизод. Между тем, дойдя до финишного аккорда, – «Зачем медведю понадобились болотные сапоги?» – лицо его приобретало абсолютно неприглядный вид. В этот момент мне казалось, что именно такое лицо должно было быть и у водителя, когда тот обнаружил пропажу своего трелевщика в дремучей тайге.

И вот, когда рабочий сезон на Илеме завершился, за небольшой нашей группой прислали кукурузник, чтобы перебросить нас до Братска. Пилоты пошли перекусить или выпить пива, и бросили на произвол судьбы свое воздушное судно на опушке почти так же, как был брошен в тайге трелевщик. Мы с рюкзаками полезли в самолет. Кабина пилотов была открыта и, проходя мимо, я заглянул туда, где красиво поблескивали выключатели и рычажки. Мои товарищи, памятуя свои прогулки по тайге, поинтересовались, не дружу ли я случайно и с такой техникой. Я, так же как и в предыдущий раз, сообщил, что поднять их в воздух, пожалуй, смогу, а вот с приземлением могут возникнуть непредвиденные сложности.

Я, как всегда, отвлекся от главной линии повествования, связанной с созданием самолета. Начинались летние каникулы, а в это время обычно возвращались к родителям с учебы старший брат Анатолия, Виктор, и сестренки: Галина и Ромуальда. Конечно, мы поделились своими планами относительно летательных аппаратов с опытным старшим братом, который в то время оканчивал сельскохозяйственный институт. На удивление, наши идеи были встречены с одобрением. Более того, старший брат взял на себя добровольно, как сейчас бы сказали, функции научного руководителя проекта, отдав нам на усмотрение тактические вопросы.

Было принято решение, до реализации самолетного проекта попрактиковаться на более простом объекте – аэросанях. И работа закипела. Поскольку все члены семьи Загурских, от мала до велика, в той или иной степени, принимали участие в этом «историческом» проекте, было бы несправедливо умолчать о роли каждого из них. Эта польская семья за время моей дружбы с младшим из сыновей директора школы стала мне, без преувеличения, родной.

Не так давно Анатолий прислал мне рукопись отца о временах становления республики «Ишим», и вот что меня при ее прочтении поразило более всего. Казалось бы, что после пережитого этим человеком его душа должна бы очерстветь и окаменеть, а воспоминания о пережитых несправедливостях должны вызвать ярость и злобу. Нисколько не бывало! Этот человек был огромного опыта, мудрости и доброты. Он мог быстро разобраться, с чем и кем имеет дело. Детские души тоже не были для него потемками.

Сравнительно скоро он начал доверять нам с Толькой почти во всем: школьную мастерскую и грузовик, ключи от школы, где без всякого пригляда со стороны педагогов, мы с нашими друзьями и девчонками устраивали вечеринки с танцами. И насколько я могу вспомнить, мы ни разу его не подводили. В жизни мне не так много приходилось видеть столь благожелательных и веселых людей. Он неизменно подшучивал над нами и над нашими тайнами, но никогда не пытался их выпытать. Естественно, что при этом он у нас пользовался высочайшим доверием. Не скрою, я его очень любил.

Незадолго до своей смерти моя матушка поведала мне одну тайну, которую хранила почти всю жизнь. Оказывается, перед возвращением на Украину, отец Толи вел с ней весьма секретные переговоры о том, чтобы до завершения школы я остался пожить у них. Основной аргумент, которым он пытался убедить мою матушку, это то, что два друга не переживут такой разлуки. Матушка, конечно, отказалась. Однако до моего расставания с Ишимом было еще далеко.

Старшая сестра Анатолия – Галина, – к тому времени уже училась в медицинском институте и обычно привозила нам свежие медицинские анекдоты. Рома, которая была немногим старше меня, поступила в педагогический институт. Обе, каждая по-своему, были хороши собой и вступили в тот возраст, когда возле них уже начали виться потенциальные женихи. К нам они относились, как и положено относиться старшим сестренкам к своим младшим братьям, снисходительно и терпеливо. Обе мне очень нравились.

Господь Бог с помощью родителей наделил меня влюбчивым характером. Старшую сестренку Галину я просто боготворил, она была воздвигнута мной на недостижимый постамент. В моем представлении она была чем-то похожа на благородную графиню Ганскую, в которую был влюблен Бальзак. В городе Бердичеве, куда я опять вернулся с Ишима, был костел, где венчались эти исторические персонажи, поэтому я хорошо знаю эту романтическую историю. А кроме того, я еще и люблю Бальзака, и если вам понравилось, написанное мной, то советую тем, кто не знаком так близко с этим великим человеком, как я, почитать его «Шагреневую Кожу». И тогда вы убедитесь, что пишет он почти так же, как и я, ну может немного лучше.

На старших курсах, после более чем десятилетней разлуки с семьей Загурских, на свадьбе моего друга в кафе, поблизости от Московского университета, выпив сверх меры, – я весь вечер признавался пани Галине в бесконечной и верной любви, с обаянием столичного Дон Жуана, отчего она хохотала до слез. Тогда я уже научился делать и это, не то, что раньше во время нашей «молодости». К тому времени она уже была замужем и имела дочь.

К моему сожалению, младшая сестренка Рома где-то застряла в самолете и не присутствовала на этой церемонии, поэтому запоздалого признания младшей сестренке я не сделал до сих пор. Отец Толи, увидев меня на этой свадьбе, схватил в охапку и продержал весь вечер около себя, изредка и с большой неохотой отпускал меня потанцевать с пани графиней. Где-то в своих воспоминаниях, которые еще до меня не дошли, он описывает этот случай, конечно, со своей точки зрения.

Строго говоря, автор этих строк не является специалистом в вопросах дружбы и любви, но, как любой другой человек, он имеет право на ошибку и собственное мнение. Удивительно сердце человека! В нем легко уживаются и верность, и легкомыслие. А может это и есть признак широты души?

Я все же думаю, что влюбчивость – качество скорее хорошее, чем плохое. Чего стоит человек, который никого и никогда не любил? Чего стоят люди, у которых нет друзей? А если у тебя нет друзей, то и недругов тоже нет, так как одного без другого не бывает. Это даже не человек, а какая-то белая поганка, которую обходят все стороной, которую и грибом-то назвать нельзя. Иногда, видя двух товарищей, люди говорят: «Два сапога – пара». Сравнение хороших друзей с сапогами мне кажется очень удачным. При поверхностном взгляде на них, кажется, что оба сапога одинаковые, а вот более внимательное рассмотрение показывает, что

они совсем разные. В этом различии или дополнении, на мой взгляд, и состоит предмет дружбы между людьми.

Что же касается любви, возникновение которой считают вопросом сложным и запутанным, то автор совершенно не разделяет этой точки зрения. Правда и здесь есть некоторые свои тонкости. Так вот, качества, которыми, как мы считаем, обладает предмет нашего внимания, как правило, у него отсутствуют! Эти качества на самом деле принадлежат нам самим, мы наделяем приглянувшийся нам объект такими качествами, которые считаем идеальными, или такими, которые хотелось бы иметь нам самим. Ну, допустим, вам врезалась в душу там какая-нибудь родинка или завиток локона предмета вашего внимания. Как только это зло произошло, наше подсознание включается и работает на полную катушку, дополняя недостающими деталями интересующий нас объект. И мы с вами уже сидим на крючке. Объекту нашего внимания от этого не становится ни холодно, ни жарко, он остался таким, каким создала окружающая его природа и действительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.